

ФАРИД ДЖАСИМ

АНОМАЛИЯ
ДОРАДО

Фарид Джасим

Аномалия Дорадо

«Автор»

2023

Джасим Ф.

Аномалия Дорадо / Ф. Джасим — «Автор», 2023

Ученый-физик Клим попадает на военный звездолёт, устремлённый за пределы галактики для исследования недавно обнаруженного аномального объекта. Оказавшись на месте, экспедиция сталкивается с необъяснимым феноменом и встречает представителей могучей сверхрасы. У пришельцев в отношении нашей Вселенной глобальные цели, которые на первый взгляд не совпадают с целями людей. Казалось бы, столкновение неизбежно. В поисках разгадки феномена, движимый желанием отвести возможную угрозу от человечества, Клим выясняет, так ли это на самом деле, а также пытается найти ответ на главный вопрос своей жизни: в чем заключается счастье?

© Джасим Ф., 2023

© Автор, 2023

Содержание

ПРОЛОГ	6
Глава первая. ФОРПОСТ «КСИФИЯ»	8
1	8
2	10
3	13
4	15
5	17
6	19
7	21
8	24
9	27
Глава вторая. ПО СЛЕДАМ «АЛЬТАИРА»	29
1	29
2	32
3	36
4	38
5	40
Глава третья. ИСТИННЫЙ ВАКУУМ	46
1	46
2	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Фарид Джасим

Аномалия Дорадо

Счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженный!

А. и Б. Стругацкие
«Пикник на обочине»

ПРОЛОГ

Этой ночью Рене Рэй смотрела на небо в скверном настроении: сердце частило, по спине скользили холодные змеи, пальцы нервно теребили бляху ремня. Галактический диск выползал из-за горизонта неторопливо, вальяжно, отягощенный неимоверной массой миллиардов звезд. Рене знала: он закроет полнеба, когда взойдет, и засияет багрово-голубым соцветием с такой силой, что искусственное освещение станции выключат за ненадобностью. Всякий раз, когда позволяла работа, Рене дожидалась ночного восхода и с детским восторгом любовалась вырастающим из-за горной гряды Млечным Путем. При виде мерцающих спиральных рукавов, лихо закрученных гравитацией, и ядра, скрытого саваном плотных туманностей, всегда захватывало от волнения дух.

Но сегодня ее взор был прикован не к спиральному диску, а к черной сфере, которая плавно снижалась над посадочной площадкой. Мерно мигающие ходовые огни очерчивали идеально ровный контур на фоне ночного зенита.

– Есть ответ от экипажа, Фор? – обратилась Рене к стоящему рядом мужчине в серой униформе УЧС.

– По-прежнему молчат, – ответил он, задрав голову к небу. Сфера превратилась из едва заметного кругляша в шар размером с футбольный мяч. Огни вспыхивали зеленым, автоматика сажала аппарат плавно, неспешно. Фор продолжал: – Они давно вошли в зону действия нашего виртуала, но каналы ментального доступа перекрыты так, будто...

Он на мгновение замаялся и с тревогой в глазах взглянул на руководителя базы.

– Что? – нетерпеливо подстегнула та.

– Будто там никого нет, – закончил он.

Рене сжала губы и снова посмотрела на небо.

– Экипаж на месте, жив и здоров, – без тени сомнения заявила она.

Сканирующие сенсоры продемонстрировали первый результат несколько минут назад, когда сфера находилась на расстоянии тысячи километров от форпоста «Ксифия» и только вошла в зону виртуала: все пять ортодоксов и два генмода присутствуют на борту исследовательского зонда и не имеют видимых повреждений. Но почему не выходят на связь и закрыли ментальные каналы?

Прожекторы дальнего действия взяли опускающуюся сферу на прицел. Лучи, будто гигантские световые руки, вели ее к посадочной площадке. Рене разглядела на борту четырехзвездие Объединенного исследовательского сообщества и надпись «Альтаир». Прошло еще несколько секунд, и зонд, мягко покачиваясь, опустился в самое перекрестье с точностью, высчитанной автопилотом до миллиметра. Поверхность обшивки засветилась голубоватым, гравитационные стабилизаторы зафиксировали аппарат; тот замер и погасил ходовые огни. На борту под самыми звездами и названием обозначились контуры двери. Открылся проход, и льющийся изнутри свет лег на встревоженные лица начальника базы и офицера УЧС.

– Заходим... – то ли спросил, то ли предложил мужчина.

Рене прислушалась. За спиной едва слышно, будто стесняясь привлечь внимание, стрекотали кузнечики; растущие неподалеку березы шелестели кронами под легкими порывами ветра; прожекторы глухо гудели. Больше ни звука. Из зонда никто не появился. Ни пилот, ни один из шести ученых не выдавали своего присутствия.

Рене вздохнула и, пытаясь унять волнение, ответила:

– Да.

Они подошли к зонду и остановились у самого входа. Переглянулись, словно ища друг у друга поддержки. Наконец Рене переступила порог и вошла в сферу, а Фор втиснулся следом.

Внутри было тихо. Пол мягко пружинил под ногами. В воздухе ощущалось необъяснимое напряжение, но Рене не могла определить его причину. Возможно, так на нее действовала абсолютная тишина. Не слышно было не только голосов – молчала и электроника.

Сделав несколько шагов по узкому коридору, Рене оказалась в главном наблюдательном зале и замерла, будто ударились в невидимую стену. В ее взгляде застыло изумление. Проглотив комок в горле, она зажмурилась, а потом разомкнула веки и поняла: перед ней не мираж и не виртуал-проекция.

Ужасная картина не укладывалась в голове. Рене ожидала чего угодно, но только не этого. Необходимо немедленно сообщить в штаб!

Глава первая. ФОРПОСТ «КСИФИЯ»

1

Почему важные сообщения, которые меняют привычное течение жизни, приходят в самый неподходящий момент? Например, когда корпишь над формулировками, пытаешься выстроить грамотный текст, и после нескольких изнурительных минут наступает озарение: вот оно, фраза – бомба! Но записать не успеваешь: звонят, на проводе шеф, как тут не ответить. И красивая фраза улетучивается, будто воспоминание о сумбурном сновидении после пробуждения.

Клим вздохнул, принял входящий звонок. В виртуальном пространстве отовсюду сразу зазвучал знакомый голос, низкий и чуть гнусавый:

– Юнь, добрый день!

– Добрый-добрый, господин Соболев, – ответил Клим, изо всех сил не давая недовольству просочиться в тембр и интонацию.

– Он уже на месте, – сообщил шеф.

– Кто «он» и на каком месте?

– У двери твоей квартиры. Полковник Леванов.

Клим тряхнул головой и озадаченно хмыкнул, поражаясь неожиданной оперативности. Да, Соболев предупреждал, что с ним желает проконсультироваться некто из Управления по чрезвычайным ситуациям, но, как понял Клим, речь шла о дистанционной связи. Кто бы мог подумать, что военный заявится лично! Что ему, офицеру УЧС, вообще может быть нужно от физика, пусть даже лучшего в институте?

– Что ему надо, он сказал? – попробовал выяснить Клим, хотя подозревал, каким будет ответ.

– Юнь, все засекречено. Просто открой дверь, когда позвонят, – доверительно посоветовал шеф и отключился.

Клим перевел виртуал в режим ожидания. Лазурное небо и текст документа исчезли, вместо них перед глазами проступила привычная домашняя обстановка: кресло, стеллажи вдоль невысоких белых стен, старомодный обеденный стол и четыре стула, полутораспальная кровать в углу, небрежно застеленная смятым покрывалом. Широкое электронное окно изображало восход Сатурна, видимый с ледяной поверхности Энцелада.

Раздался звонок. Клим поднялся из кресла и направился в прихожую. В зеркальной стене отразился невысокий мужчина с эспаньолкой, маленькими голубыми глазами и темными, тронутыми ранней сединой волосами.

Интегрированная система безопасности передала на нейрочип сообщение: «Посетитель не опознан». Под ним появилась квадратная рамка, транслирующая изображение с камеры наблюдения, а в рамке – незнакомая фигура в сером мундире, высокая и плечистая. Гадая о цели странного визита, Клим дал команду замку, и дверь открылась.

Гость смотрел исподлобья, пристально, будто собирался прожечь в хозяине квартиры дыру. Серые глаза посверкивали в свете потолочных ламп, лохматые брови пролегли сплошной изогнутой линией под высоким лбом, черные, зачесанные назад волосы контрастировали с бледным лицом.

– Меня зовут Александр Леванов, – представился гость и, следуя приглашению, вошел в квартиру.

Клим провел посетителя в комнату, указал на один из стульев у стола, сам уселся напротив. Деловой тон и вид полковника не располагали к праздным беседам, поэтому Клим не стал даже предлагать напитки.

– Мой шеф сказал, – начал он, вопросительно глядя на офицера, – что ваше ведомство желает получить консультацию в области физики. Почему пришли именно ко мне?

Полковник кашлянул и ответил:

– Да, нам требуется помощь. Мы прекрасно осведомлены о вас, ведь вы лучший на сегодняшний день специалист в области изучения вакуума.

– Ну что вы! Есть ученые и с более богатым списком заслуг, – зарделся Клим. – А отчего такая секретность? Личный визит вместо виртуала...

– Секретность в самом деле присутствует. Есть основания предполагать недружественные действия по стороны неких внеземных сил. – Клим вскинул брови, а полковник продолжал: – Плюс кое-что еще. Словом, нам срочно понадобились ваши знания и опыт. Скажу сразу: речь идет не совсем о консультации... – Он замаялся, посмотрел на свои ладони, будто держал в них шпаргалку, а затем спросил: – Вы ведь слышали об экспедиции «Альтаира» к источнику необъяснимых гравитационных импульсов, так называемой аномалии Дорадо?

При этих словах Клим вздрогнул.

– Разумеется, – кивнул он. – В составе экспедиции моя дочь: Светлана Юнь, астроном.

– Нам это известно. Это еще одна причина, почему мы пришли именно к вам.

– Что-то случилось?

– Да. Вчера «Альтаир» вернулся на базу.

– Как?! – опешил Клим. – Так скоро? Они же только неделю назад отправились! Дочь говорила, исследование аномалии займет несколько месяцев. Да и по новостям раструбили: «Впервые в истории! Триумф человеческой экспансии в космос! Выход в глубокое межгалактическое пространство!» Кроме того...

Клим запнулся, заметив встревоженное выражение лица Леванова. Тот помрачнел и сложил толстые, как бревна, руки на груди. Вдохнул. Взгляд его забегал, стал на мгновение затравленным, испуганным, но затем остановился на хозяине квартиры и сделался ледяным.

Клим нервно подергал себя за подбородок и дрогнувшим голосом спросил:

– Что с участниками экспедиции?

– Скоро узнаете сами, – пообещал Леванов. – Так сказать, из первых рук. Когда прибудете на базу.

– Какую еще базу?

– Ту самую, куда вернулся «Альтаир». Форпост «Ксифия».

Клим приоткрыл рот и округлил глаза. Подумалось, что гость вот-вот рассмеется и скажет, что пошутил, но тот сидел и взирал на хозяина квартиры, пристально наблюдая за его реакцией, словно психолог на встрече с клиентом.

– Но это же за пределами...

– С вашим начальством я договорился, – сообщил полковник. – Вы отправляетесь в бессрочную командировку, ваше жалование удвоено, плюс бонусы за дальность.

– Но оборудование, приборы...

– Все необходимое имеется в распоряжении УЧС на базе, а также на борту зонда. Собирайтесь, Юнь, мы летим прямо сейчас. Дело не терпит отлагательств.

Клим невольно отстранился, будто хотел спрятаться от пронизывающего взгляда офицера. Внутри резануло, как ножом: с дочерью что-то стряслось! А как же Мари?... А что Мари? Разрыв с ней, особенно после недавнего разговора, казался полным и бесповоротным. Улететь сейчас куда-нибудь подальше было бы в самый раз. Желательно надолго.

2

Июньское солнце сияло в зените и грело мягко, ласково, будто прикосновение материнской руки. В светлых льняных брюках и белой безрукавке Клим чувствовал себя превосходно. Геофилтры, прикрывающие Землю с орбиты, создавали комфортную температуру, которая колебалась между двадцатью и двадцатью четырем градусами на всей обращенной к светилу поверхности. Такой климат устраивал большинство землян, а те, кому по душе была прохлада, могли обосноваться в многочисленных поселениях на зеленых берегах Антарктиды: жилье довольно высокого стандарта там можно получить без всякой очереди. Клим предпочитал теплый климат, а потому поселился в апартаментах Сахараграда, раскинувшего свои многолюдные кварталы на холмах и равнинах западного Сахеля. Квартира формально принадлежала Институту квантовой механики, в котором Клим работал. Собственным жильем он не владел: с институтом у него был подписан пожизненный контракт, а значит, пользоваться предоставленными благами он мог столько, сколько желал. Прекрасный вид на берег Атлантического океана, открывающийся с террасы на крыше дома, вполне удовлетворял его скромную потребность в роскоши; нужды в собственном балконе или наружном окне он не испытывал.

– Мой планер двухместный, – сообщил Леванов, указывая на воздушную стоянку во внутреннем дворе дома; там на антигравитационных фиксаторах повисла серая сфера с эмблемой УЧС.

Клим пожал плечами и хмуро кивнул, глядя на рослого офицера снизу вверх. Путешествие к проекторной станции на транспорте УЧС обещало меньше хлопот, чем на собственном. Его личный планер будет дожидаться хозяина на стоянке.

Послушная ментальной команде полковника, сфера освободилась от фиксаторов и плавно опустилась перед двумя пассажирами. Полковник любезно указал на открывшийся проем. Поблагодарив, Клим вошел внутрь и расположился в одном из кресел. Рядом сел офицер. Изнутри планер Леванова ничем не отличался от обычных, разве что кресел было два, а в остальном – то же самое: широкое панорамное окно, блок бортового компьютера с пультом для аварийного ручного управления и миниатюрная ТЛМ-система, чтобы не скучать в полете. Возможно, в недрах аппарата и скрывалось нечто особенное, невидимое невооруженным глазом, например оружие, или сверхмощные антигравы для полетов в космос, или что-то подобное, но об этом можно было лишь гадать. Стенки и округлый потолок светились мягким голубоватым светом, кресла приятно облегали контуры тела и слегка массировали спину.

По команде офицера сфера затянула вход стенкой и резко взмыла в воздух. Гравитационные стабилизаторы не позволили пассажирам ощутить какие-либо перегрузки, и Клим, откинувшись на спинку, выглянул в окно.

Сахараград за пару-тройку секунд остался внизу и уменьшился до игрушечного, протянувшись по берегу океана широкой, поблескивающей в лучах солнца полосой. Он вмещал десятки миллионов жителей, хотя считался далеко не самым большим городом на африканском континенте. С трех сторон его окружали крупные лесные массивы и цветущие луга, покрывающие бескрайние просторы мавританской Сахары. Голубые ленты больших и малых рек разлетались во все стороны от горы Иджиль: часть убегала на север к Средиземному морю, другие несли свои воды на запад и юг к океану.

Полет прошел в молчании. Снедаемый тревогой и беспокойством, Клим попробовал завести разговор о судьбе членов экспедиции, но Леванов оставался неумолим в своем нежелании раскрывать детали раньше времени. Интересно, чего опасался офицер в собственном планере, защищенном от возможных ментальных атак непробиваемым электронным панцирем УЧС? Климу ничего не оставалось, кроме как вернуться к любованию красотами Сахеля.

Миновала четверть часа, прежде чем вдали показались джунгли Центрального региона. Там, в нескольких километрах от мегаполиса Банги, располагалась африканская проекторная станция.

– Откуда стартует зонд? – осведомился Клим, раздумывая о том, как далеко ему придется отправиться.

– С главной базы, – ответил Леванов и поправил: – Не зонд, а боевая капсула.

Понятно, догадался Клим, значит, с Оберона, спутника Урана: именно там располагается крупнейшая в Солнечной системе база военного флота УЧС. А это – два с половиной часа в состоянии дезинтеграции. Если правительство решает отправить боевую капсулу за пределы галактики, то стряслось и правда нечто из ряда вон... От этой мысли сердце застучало молотком, в горле образовался ком. Бесплезно задавать вопросы или кланчить пояснений – ответом будет молчание и хмурый взгляд, решил Клим и заставил себя успокоиться.

И тогда нахлынуло элементарное любопытство. Чем закончилось исследование аномалии, о которой столько говорили в последние месяцы? Почему экспедицию прервали? Клим подумал, что стоит набраться терпения. Все откроется само. Но чрезмерное любопытство всегда было его пороком. Или достоинством? Как посмотреть! Мари считала эту черту характера отрицательной. Друзья детства Эрик и его жена Линнея – наоборот. Сам же Клим затруднялся определить собственное отношение к своему неумному любопытству, знал лишь, что его удовлетворение приносит неопишемое удовольствие – гораздо большее, чем могут предложить самые современные «машины счастья», или, если по-научному, системы транскраниальной лимбической манипуляции.

Планер завис над проекторной станцией, дожидаясь очереди на посадку. Движение в окрестностях главной транспортной артерии континента всегда было оживленным. Планеры – как частные, так и многоместные общественные – взлетали и садились, выплескивая отъезжающих пассажиров или заглатывая прибывших. Клим разглядел внизу нешуточной длины вереницу людей: она медленно, но непрерывно всасывалась в здание проекторной станции.

– Нам не придется стоять в очереди, – пообещал полковник. По немного прищуренным глазам офицера Клим понял, что Леванов находится в ментальном контакте, вероятно с диспетчерами станции. Миг спустя он объявил: – Готово. Проектор сто сорок четвертый – служебного пользования при чрезвычайных обстоятельствах.

– Замечательно! – с облегчением откликнулся Клим.

Планер высадил двух пассажиров неподалеку от служебного входа на станцию и немедленно взмыл на стоянку.

Легкий ветерок доносил ароматы гибискуса, ласковое солнце приятно припекало затылок. С другой стороны здания происходило столпотворение, но здесь было спокойно и почти тихо. Из дверей появлялись люди – по двое, по трое – и неспешно направлялись к стоянкам планеров. Леванов зашагал ко входу, Клим двинулся следом.

В помещении царила тишина и прохлада. Перед проходом, над которым светился номер 144, в ожидании своей очереди стояла девушка в униформе Службы ближнего мониторинга. Диваны, расставленные вдоль стен, пустовали. В середине зала танцевали цветы – совершенно новый сорт вегадансеров с бирюзовыми лепестками и изумрудными стеблями; они извивались, наклонялись и распрямлялись, переплетая листья и касаясь друг друга раскрытыми бутонами. Клим вспомнилось последнее свидание с Мари. Тогда они использовали бинарное подключение к ТЛМ-системе и танцевали так же страстно, даже исступлено, на вершине Эвереста, а потом любили друг друга, глядя вниз, на белоснежные облака, неспешно плывущие меж горных пиков. Жаль, что теперь все в прошлом...

– Нам пора, – хриловатый голос Леванова вырвал Клина из воспоминаний. Он отвернулся от пляшущих цветов и направился вслед за полковником к проходу, в котором только

что скрылась служащая космического мониторинга. На стене вспыхнул красный сигнал, а под ним – надпись «Ожидайте» и обратный 120-секундный отсчет.

Через две минуты загорелось зеленым приглашение проходить дальше. Клим и Леванов оказались в отсеке отбытия. Дверца в дезинтеграционную кабинку бесшумно ушла в стену.

– Вы отправитесь первым, – сообщил офицер. – Я – следом.

Он полуприкрыл веки, сосредоточившись на идентификации и составлении маршрута для проектора. Через несколько секунд молча указал на кабинку.

– До встречи на Обероне, – сказал ему Клим, но офицер лишь кивнул с непроницаемым лицом и сложил руки за спиной в ожидании своей очереди на проекцию.

Клим вошел и вставил ступни в пазы, взялся за поручни. Услышал, как сзади задвинулась дверца. Повисла звенящая тишина. Клим почувствовал во всем теле приятную щекотку и расслабление. Он знал, что в течение ближайших секунд проектор просканирует его тело и одежду, запоминая атомную структуру, а затем дезинтегрирует ее; после этого передаст сохраненную информацию на принимающую станцию на Обероне, где атомная структура будет воссоздана со стопроцентной точностью. Но прежде его сознание временно прекратит свое существование.

Накатила сонливость. Клим смежил веки и позволил неодолимой волне расслабления увлечь себя в пустоту.

3

Каньон Моммур протянулся с севера на юг глубокой пятисоткилометровой бороздой. Его дно и склоны были выровнены графеновыми плитами так, что он образовывал широкий, длинный и глубокий желоб, в котором размещались боевые капсулы УЧС, разведывательные и ремонтные зонды и множество multifunctional дронов. Отдельный участок каньона длиной в несколько километров был выделен под склад аккумуляторов для боевых капсул, использующих концентраторы для гиперпространственных прыжков; там же хранились магнитные контейнеры с антивеществом для аннигиляционных двигателей или вакуумные трубки с тритием для двигателей на термоядерном синтезе.

Между склонами каньона протянулось силовое поле из закрученного в кокон пространства; если смотреть со дна вверх, увидишь непроглядную черную полосу от края до края, отражающую любые частицы или излучение. Эта своеобразная крыша защищала базу от случайных метеоритов, несанкционированного наблюдения из космоса (ближнего, равно как и дальнего) или атак возможного противника. После конфликта с лейгами в окрестностях Антареса власти стали уделять гораздо больше внимания обороне баз даже внутри Солнечной системы.

В строительстве военной базы на Обероне участвовали все четыре ветви человечества: это было одно из величайших совместных предприятий людей в космосе – наверное, самое крупное, если не считать исследовательских экспедиций и научных проектов. На космодроме в Моммуре базировались аппараты и земных ортодоксов, и марсианских и венерианских киберов, и генмонов с Каллисто и Ганимеда, и даже сетевиков – объединенный разум этого человечества, существующий в сетях и обычно безразличный ко всему, кроме научных изысканий, был распределен по сотням летательных аппаратов, часть из которых располагалась на Обероне.

Для Клим космодром в каньоне Моммур значил гораздо больше, чем для многих жителей Солнечной системы. Три года назад во время строительства случилась катастрофа: взрыв контейнера с антивеществом из-за внезапно отказавшего магнитного изолятора. В результате трагедии погибли двенадцать человек, среди них был Димитр Юнь – отец Клим. Повреждения его тела оказались настолько серьезными, что ни о какой регенерации нанороботами не могло идти и речи. Если бы он загрузил свое сознание на электронные носители, как поступали сетевики, то, возможно, продолжил бы существование в иной форме. Однако Димитр был ортодоксом до мозга костей и не принимал оцифрованное сознание ни в каком виде. На тот момент Климу уже исполнилось восемьдесят, но происшествие разверзлось в его душе глубокой раной, которая зарубцевалась лишь недавно – и то не до конца. Сейчас, стоя перед панорамным окном в зале ожидания оберонской проекторной станции и обозревая открывающийся с высоты пятисот метров пейзаж, он понял это опять. Скорбь и сожаление захлестнули его душу, как цунами, поглотили, закрутили, а затем выбросили на берег реальности и медленно схлынули прочь.

– Потрясающий вид, – донесся из-за спины хриловатый голос Леванова. Тот наконец прибыл на станцию; плотность трафика на африканских излучателях вызвала задержку в несколько минут.

– Да, мощно, – согласился Клим. – Что мешало построить такую же укрепленную базу у Антареса заранее? Того чудовищного разгрома и тысяч жертв удалось бы избежать.

– Наивность, – холодно ответил полковник, разглядывая ровные ряды капсул на дне каньона. – Всем почему-то казалось, что цивилизация, вышедшая в космос, непременно должна обладать миролюбием и стремлением к кооперации. Мы судили по себе. А лейги, неожиданно вынырнув из недр скопления Вестерлунд, опровергли это утверждение. Нам пришлось усвоить урок и спешно переучиваться. – Он умолк, очевидно вспоминая события четы-

рехлетней давности, а затем заговорил вновь: – Но все человечества проявили гибкость и подправили собственное мировоззрение. То, что, как мы думали, давно похоронено под могильной плитой земной истории, поднялось вновь и воспряло с не меньшей, чем в прошлом, силой. Лейги убрались в Вестерлунд, а мы принялись укреплять гражданские поселения и военные базы по всей галактике и прежде всего – здесь, на Обероне.

– Но теперь, похоже, люди столкнулись с новым противником? – полуутверждая-полуспрашивая сказал Клим и отвернулся от панорамного окна. Взглянул на собеседника и пояснил: – Вы недавно упоминали недружественные действия неких внеземных сил.

Леванов посмотрел на ученого и покачал головой. На лице полковника проступили озабоченность и тревога.

– Никто не знает, – ответил он. – С равной вероятностью это может быть некое опасное природное явление.

– Люди ранены? – прямо спросил Клим. – Погибли? Или целы-невредимы?

– Ни то, ни другое, ни третье. Скоро будем на месте, наберитесь терпения.

Они направились к выходу из проекторной станции. Поскольку Оберон еще не терраформировали, путь к капсулам напрямую через летное поле был, понятное дело, исключен. Разветвленная сеть подземных коридоров соединяла все служебные и жилые помещения базы. Главный канал представлял собой широкий многолюдный коридор, по которому работники космодрома, учезсовцы и гражданские передвигались не только пешком, но и на электрокарах. Он вел к шлюзам, через которые можно было попасть на нужный летательный аппарат. Именно этим путем прошли Клим и Леванов, прежде чем оказались на боевой капсуле «Орион».

4

Клим никогда прежде не бывал на борту военных аппаратов. Леванов сообщил, что «Орион» – одна из самых мощных боевых единиц объединенного человеческого флота. В его вооружение, помимо стандартных антипушек, лазерных излучателей, ядерных ракет и прочего, входили так называемые экспандеры, или лямбда-бомбы, которые прекрасно зарекомендовали себя во время конфликта с лейгами. Журналисты нарекли их «абсолютным оружием» – и, несмотря на помпезность эпитета, были совершенно правы. Лямбда-бомба представляла собой направленный через подпространство импульс, который выныривает непосредственно в самом объекте атаки, например во вражеском корабле, и резко меняет давление вакуума в ограниченном объеме. Это приводит к мгновенному лавинообразному, но локальному расширению пространства – и объект просто разносит в клочья. Защититься от такой бомбы не под силу никому. Исход войны это доказал.

Об арсенале «Ориона» полковник рассказывал с возбуждением, даже с неким азартом, будто мальчишка – о новой игрушке. Тогда с его лица исчезла непроницаемая маска вояки. Клим вся эта военная бравада была чужда, однако он слушал с интересом и оглядывался по сторонам, изучая обстановку. Изнутри капсула была поделена на множество отсеков – как жилых, так и рабочих. Леванов сообщил, что гостю отведена отдельная каюта, поскольку экспедиция займет неопределенное время, но туда он попадет позже, а пока может устроиться в столовой, или комнате отдыха, – уютном просторном помещении с множеством кресел и диванов, с клумбами вегадансеров и электронными окнами, где транслировались самые красивые пейзажи Земли и прочих населенных планет Солнечной системы. В столовой имелся терминал доступа к ВИС – внутренней информационной сети – на случай, если Клим пожелает поглазеть на космос или получить какие-либо сведения. В столовой находилась также и простенькая ТЛМ-система – «машина счастья», которой он сможет воспользоваться, если предпочтет позабавить себя базовыми удовольствиями. Клим ознакомился с ее техническим описанием и понял, что в ней отсутствует блок иллюзотрона, а ассортимент весьма скуден. Угостившись стаканом свежевыжатого сока папайи из продуктового синтезатора, он уселся в широкое мягкое кресло и через нейрочип подключился к терминалу информационной сети.

ВИС начала с того, что выдала общие сведения об «Орионе». Клим узнал, что капсула составляет около двухсот метров в длину и по форме (система продемонстрировала трехмерное изображение) напоминает прямоугольник, из которого длинными усами выступают вперед четыре антенны концентраторов. Максимальная дальность гиперпрыжка – сто килопарсек, то есть более 326 тысяч световых лет. Экипаж составляет пять человек, капитана зовут Зоя Гадот. Далее следовал впечатляющий список ее регалий и боевых заслуг. Кроме того, на борту присутствовали начальник экспедиции и два пассажира. Капсула принадлежала Земле, а потому в состав экипажа входили лишь ортодоксы. ВИС также порадовала известием о том, что перелет займет около часа субъективного времени. Большая его часть уйдет на выруливание к стартовой позиции перед прыжком и полет к месту назначения после того, как «Орион» вынырнет в евклидовом пространстве. Когда перед внутренним взором Клима потянулся столбец технических данных капсулы, он переключился на изображение с внешних камер. И вовремя!

«Орион» начал взлет, силовое поле базы отключилось. Как только капсула оказалась над каньоном, поле активировалось вновь и скрыло непроницаемо черной полосой бесчисленные ряды летательных аппаратов. Тогда капсула ускорила движение, и взору Клима открылся вид на Оберон: багровая, испещренная кратерами поверхность стремительно удалялась, горы и извилистые каньоны сжимались, превращаясь в едва заметные шероховатости на ровном полукруге той части спутника, которая освещалась солнцем. Несколько секунд спустя он уменьшился так, что из-за его края показался Уран. И тогда Клим задохнулся от восхищения. Ему нечасто

доводилось путешествовать за пределы Земли и Луны: работа оставляла не так много свободного времени. Он пару раз бывал на Марсе и лишь разок на Венере. В системе Урана – никогда. Там расположены только военные базы и астрономические обсерватории Объединенного исследовательского сообщества, но нет никаких постоянных гражданских поселений. И теперь он с восторгом наблюдал за планетой-гигантом, выползающей из-за багрового диска Оберона. Огромный сине-зеленый шар завораживал и притягивал взгляд не только своими размерами, но и неспешным течением плотных облаков, темными пятнами штормов невероятной силы, едва видимым, но тем не менее прекрасным кольцом из мириад больших и малых частичек льда, блестящих в лучах далекого солнца. Клим ощутил на своих губах восторженную улыбку, вызванную изумительным зрелищем, которое демонстрировалось его внутреннему зору.

«Орион» развернулся и стал удаляться от планеты-гиганта. Он быстро разогнался до максимальной скорости, доступной на аннигиляционных двигателях, и Уран начал неторопливо уменьшаться. Миновало еще минут двадцать, прежде чем капсула отошла от планеты и ее спутников на безопасное расстояние. Уран ужался до размеров апельсина, и тогда внешние камеры выключились. ВИС передала в сознание Клина сообщение: «Пожалуйста, приготовьтесь к прыжку». Таймер начал обратный 60-секундный отсчет.

5

Клим никогда не приходилось путешествовать через гиперпространство, но по рассказам коллег и друзей он знал, что готовиться тут особо не к чему: система предупреждает экипаж и пассажиров о предстоящем прыжке на всякий случай, чтобы избежать возможного психологического шока.

Клим расслабился, откинул голову на спинку кресла и сложил руки на животе. Его снедало любопытство. Что он почувствует? Потянет ли его в сон, как при проекции? Но он не ощутил ровным счетом ничего. Показалось, будто на мгновение кто-то погасил свет, а потом включил – и все. «Прыжок завершен», – отчиталась миг спустя ВИС. Клим немного удивило, что такое невероятное явление, как прорыв ткани пространства-времени, проходит для человеческого сознания практически незаметно. Воображение рисовало фантастические картины или ощущения, но все оказалось весьма прозаично.

Внешние камеры включились вновь, и прямо по курсу Клим увидел огромное голубое светило. ВИС услужливо подсказала ответ на едва зародившийся вопрос: это была массивная сверхскоростная звезда, обнаруженная древними астрономами несколько столетий назад в созвездии Золотой Рыбы и получившая соответствующее название – Дорадо. Выброшенная прочь гравитационной пращей черной дыры около ста миллионов лет назад, она дрейфовала в межгалактическом пространстве, удаляясь от Млечного Пути на огромной скорости 723 километра в секунду. Вокруг нее обращалась единственная планета – Ксифия, на которой УЧС разместило свою самую дальнюю базу с одноименным названием. Клим узнал о ее существовании лишь в связи с экспедицией «Альтаира»: исследователи отправились к таинственному феномену именно отсюда, поскольку звезда располагалась к нему ближе всего. Потому и аномалию тоже называли Дорадо.

Гигант сиял нестерпимо голубым светом, затмевая одинокую планету и пространство, испещренное огоньками далеких галактик. Единственным, кто мог тягаться с ним в яркости в этом районе космоса, был огромный буро-голубой диск Млечного Пути, развернутый своей плоскостью к Дорадо.

Звезда медленно вырастала в размерах, пока капсула приближалась к системе. Скоро Клим увидел сияющий отраженным голубым светом серп планеты. Он расширялся, округляясь по мере движения «Ориона». Через несколько минут светило осталось за кормой, а капсула взяла курс на бело-голубой шарик Ксифии. ВИС на вопрос Клим сообщил, что планету успешно терраформировали несколько лет назад, так как правительство планирует в будущем расширить и укрепить форпост, а также создать вокруг него полноценное поселение ортодоксов – поначалу сотрудников УЧС, обслуживающего персонала и их семей, а впоследствии и всех желающих. Благо планета находилась на таком расстоянии от своего светила, что ее будущим обитателям не стоило опасаться жесткого излучения. В долгой перспективе основать колонию выходило дешевле, чем гонять людей и оборудование за двести с лишним тысяч световых лет от дома.

В какой-то момент Клим заметил, что диск перестал увеличиваться. Капсула зависла в нескольких тысячах километров от цели, не приближаясь, но и не удаляясь. Наверное, запрашивают разрешение на посадку. Он решил подтвердить свое предположение с помощью ВИС, однако система ответила: «Посадка отложена по причинам безопасности». Клим сдвинул брови, сделал уточняющий запрос и получил еще более обескураживающий ответ: «Информация засекречена по причинам безопасности. На капсуле объявлена боевая тревога. Сохраняйте спокойствие и беспрекословно подчиняйтесь приказам командира».

– Вот так, черт побери, прилетели! – услышал Клим разочарованный женский голос из-за спины.

Он отключился от терминала и привстал в кресле, обернулся. У продуктового синтезатора стояла невысокая молодая женщина, бритая наголо, с бледным, чуть вытянутым лицом и яркими синими глазами. Брюки свободного покроя и широкая туника прятали детали ее фигуры, но в складках одежды тем не менее угадывались женственные формы. Сапоги с металлическими вставками на фоне ее миниатюрных габаритов казались на пару размеров больше необходимого. Татуировки на предплечьях и щеках выдавали в ней кибера, хотя видимых электронных устройств, вживленных в биологическую ткань, Клим не обнаружил. Девушка вынула из раздатчика чашку с парующим напитком, судя по аромату – крепко заваренным чаем из гуавы, и шагнула к Климу.

– Ты физик? – спросила она, прихлебывая.

Клим, немного сконфуженный фамильярным тоном, поднялся из кресла и кивнул.

– Он самый. Клим Юнь. А вы...

– Можно на «ты». Соира, профессор Марсианского университета психологии. По совместительству историк – это моя вторая специальность.

Клим вновь кивнул и хотел было поинтересоваться фамилией молодой профессорши, но вспомнил, что киберы используют для самоидентификации только имена, причем таковым могут служить практическое любое слово, буквосочетание и даже цифры. В случае с Соирой это было название горы в восточной Африке. Клим посмотрел на девушку с интересом.

– Тебя вызвал полковник Леванов? – осведомился он.

– Да. Нечто важное, связанное с материалами «Альтаира». Команда ученых исследовала аномалию, но... что-то пошло не так.

– Моя дочь – астроном. Она среди членов экспедиции... – Клим помрачнел и потянулся к своей бороде, но, сделав усилие, спрятал руки в карманы и сказал: – Кстати, ты не в курсе, что сейчас происходит? Посадку отложили, объявили тревогу...

– Без понятия, – Соира дернула узкими плечами. – Думаю, следует отправиться в командный отсек и узнать самим. Вряд ли Леванов прибежит к нам с докладом.

– И правда.

Клим связался с полковником через ВИС и получил разрешение на визит. Путь занял немногим более минуты.

6

Командный отсек капсулы представлял собой небольшую, погруженную в полумрак комнату, в середине которой находился ряд из пяти встроенных в пол ячеек. В четырех из них лежали люди. Их полуприкрытые веки и шевелящиеся губы ясно говорили о том, что экипаж подключен к системе управления. Наверняка это были пилот и три боевых оператора. Капитан стояла, скрестив руки под грудью, и о чем-то беседовала с полковником. Тот застыл напротив нее с непроницаемым лицом и время от времени качал головой. Когда Клим и Соира остановились на пороге, оба умолкли и обернулись на пассажиров.

– Здравствуйте, – начал Клим, приветственно кивая. – ВИС сообщила, что...

– Проходите, – то ли пригласил, то ли приказал Леванов. Клим и Соира вошли и приблизились к собеседникам. Полковник указал на высокую худощавую женщину в униформе УЧС: – Знакомьтесь, капитан капсулы Зоя Гадот.

Затем он представил ей пассажиров. Бледное лицо Соиры осветила восторженная улыбка.

– Та самая Гадот? – проговорила она. – Я слышала о тебе! Сражение за Эйкидль в системе Антареса...

Клим, к своему стыду, понял, что слышит это имя впервые, если не считать информации из ВИС.

– Боевое крещение «Ориона», – отозвалась женщина. Она улыбнулась одними глазами, большими и черными как угли, в обрамлении длинных ресниц. Узкое худое лицо с острым подбородком и крупный нос с горбинкой делали ее похожей на хищную птицу. Она завела прядь темных волос за ухо и с гордостью добавила: – Флот противника полностью уничтожен, наземные силы блокированы на спутниках Эйкидля...

– Мы помним, капитан, – прервал ее Леванов. Она зыркнула на него, но перечить старшему по званию не осмелилась. Полковник обратился к пассажирам: – Понимаю, почему вы здесь. Обеспокоены сообщением. Неудивительно: на базе нештатная ситуация.

– Что стряслось? – с тревогой в голосе спросил Клим. Соира тоже посерьезнела, взглянула на офицера в ожидании объяснения.

– Пока неизвестно, – ответил тот. – Идет дистанционный сбор информации разведзондами. Сейчас ясно одно: с «Ксифии» никто не выходит на связь. Диспетчерское оборудование отключено. Ни руководитель базы, ни командир гарнизона на запросы не отвечают. Там с самого начала находилось не так много людей, но теперь кажется, что форпост совершенно опустел. Однако это, скорее всего, не так.

– А экипаж «Альтаира» и участники экспедиции?

– Ничего, кроме того, что уже известно.

– А именно? – настаивал Клим.

– Они... – полковник замаялся, – неконтактные.

– То есть?! – во рту у Клина пересохло, руки задрожали.

– Скоро поймете, – пообещал Леванов.

При этих словах Зоя обернулась к нему и ледяным голосом проговорила:

– Повторяю еще раз, командир: я против посадки, пока точно не выясним, что произошло.

– Боюсь, мы никогда этого не выясним, если не увидим все своими глазами, не обследуем пострадавших и не изучим записи бортовых компьютеров «Альтаира», – возразил Леванов. – Для этого мы здесь, именно по этой причине с нами физик и психолог.

Он указал на ученых. Гадот ответила ровно:

– Я не могу подвергать жизнь экипажа такому риску.

– Вы понятия не имеете, капитан, о каком риске идет речь. В любом случае на нас будут бронескафандры. Я беру ответственность на себя.

Женщина сжала тонкие губы и проговорила:

– Дождемся данных разведки.

С этим она резко развернулась и направилась к свободной ячейке. Клим посмотрел ей вслед, и ему показалось, что волосы ее взлетели, словно черные крылья ворона.

Клим перевел взгляд на полковника: тот стоял с полуприкрытыми глазами и что-то шептал. Посмотрел на Соиру – та пожала плечами. Прошло минут пять, прежде чем офицер открыл глаза – в них промелькнула растерянность – и проговорил:

– Контакт с разведзондами потерян...

– Как это? – Клим вскинул брови.

Леванов не ответил, обернулся к капитану. Та поднялась из ячейки и бросила на него взволнованный взгляд.

– Я говорила: посадка рискованна, – сказала она, подходя ближе.

– Она права, садиться опасно, – шепнул психологу Клим.

– И что? – та скептически скривила губы. – Нам что, теперь лететь обратно?

– Вот последнее сообщение от зондов перед потерей контакта, – объявил Леванов и зачитал: – «Патогенные микроорганизмы, как и вредные химические соединения, отсутствуют; радиационный фон в норме; инородных биологических объектов нет».

– Однако на связь они больше не выходят.

– Именно поэтому посадка необходима, – заключил полковник, – иначе мы никогда ничего не узнаем. Сажайте капсулу, капитан!

7

Форпост «Ксифия» представлял собой огороженную силовым барьером территорию в несколько десятков квадратных километров. Большую ее часть занимал космодром с прилегающими к нему ангарами для боевых капсул и разведывательных зондов. Отдельной группкой теснились лаборатории, а также склады с аккумуляторами и топливом. Имелись даже два здания для пехотных казарм и множество иных, помельче, назначение которых Клим представлял себе смутно. За пределами ограды виднелись площади, подготовленные к жилой застройке. Планета в целом выглядела вполне по-земному, ландшафтом и растительностью напоминая восточно-европейские равнины, разве что в небе сияло не ласковое желтое солнце, а огромный бело-голубой шар – настолько яркий, что даже после терраформирования и установки геофильтров прогулка днем без темных очков могла стоить ортодоксу зрения. Потому и фауна населяла эту планету слегка модифицированная – насколько позволяли моральные каноны Земли, четко обозначенные Советом по гуманизму и нравственности.

«Орион» опустил на графеновое поле неподалеку от одноэтажного здания командного центра и диспетчерской; оно смотрело фасадом на космодром. На его крыше трепетал государственный флаг Земной Ортодоксии: витрувианский человек на фоне земного шара в обрамлении пшеничных колосьев. Экипаж капсулы, а также Леванов, Клим и Соира в бронескафандрах покинули аппарат и направились ко входу в здание.

Клим, вопреки ожиданиям, не чувствовал скованности в движениях: скафандр сидел на нем как вторая кожа, надежно защищая от любых вредных или враждебных воздействий. Сквозь затемненный визор шлема он с любопытством глядел по сторонам, но не замечал ничего необычного или опасного. Шагая по космодрому, Клим думал о том, что через несколько минут встретит дочь и наконец узнает, что с ней произошло. От этих мыслей сердце билось быстрее, а все тело охватывала легкая дрожь.

Отряд неспешно приближался к цели. Когда до двери осталось метров пятьдесят, Клим услышал по нейросвязи голос капитана:

– А вот и один из разведчиков.

Она указала на темно-серую сферу размером с локоть в поперечнике, застывшую над крышей здания. Вторая точно такая же обнаружилась на графеновом поле прямо перед дверью. Обе – без малейшего движения.

– Сигнальные огни включены, – прокомментировал кто-то из членов экипажа.

В самом деле, на обоих аппаратах мерно мигали красные огни, но при этом даже висящий в воздухе аппарат не подавал никаких иных признаков жизни. Однако, выходит, антигравы работают, раз он не падает?

Учезсовцы и ученые несколько секунд рассматривали разведчиков – те пребывали в полной неподвижности, – после чего полковник махнул рукой и повел отряд дальше.

Сделав несколько шагов, Клим увидел воробья; тот сидел на поле в метре от стены здания. Птица не шевелилась. Чучело? Для чего оно понадобилось персоналу базы? Клим замедлил шаг; повернув голову в сторону, приметил крадущегося кота. Тот, прижавшись к графену, внимательно наблюдал за беспечной птицей, готовясь совершить бросок. Клим остановился, его взгляд прилип к зверю. Хищник не сводил глаз с жертвы... но тоже не двигался. Не перебирал лапами, не прижимал ушей, не подергивал хвостом, не шевелил усами – ни единого движения. Клим вдруг ощутил, как ладони вспотели и по спине пробежала капелька холодного пота. Он поднял глаза к небу – на крыше трепетал флаг, а над ним повисли, разведя крылья в стороны, две галки.

– В чем дело, Юнь? – услышал он встревоженный голос Леванова.

Физик молча указал на кота с воробьем, затем на висящих в небе птиц. Он не мог видеть выражения лица командира, но ощутил изумление в его изменившейся осанке, разведенных руках, покачивании головы.

– Что за фигня... – проговорила Соира.

Отряд остановился и с удивлением воззрился на застывших, точно вмороженных в лед, зверей.

– А там все в порядке, – заметила Зоя, кивая на участок неба в стороне от командного центра. Клим обернулся, куда она указывала, и увидел стайку ласточек, пляшущих в голубом свете огромного солнца. Они гонялись друг за другом, закладывая крутые виражи. Динамики даже доносили их веселые песни.

– Возвращаемся на капсулу! – приказал Леванов.

– Минутку, – попросила Соира, а затем обернулась к экипажу «Ориона»: – Можно вот это?

Она указала на красный прямоугольник аптечки, висящий на поясе одного из операторов. Тот посмотрел на капитана, Гадот кивнула. Оператор отстегнул аптечку и протянул ее психологу. Девушка приняла пластиковую коробочку, а затем изо всех сил швырнула ее в сторону диспетчерской. Аптечка блеснула в лучах солнца, пролетела параболой над полем – и угодила бы на крышу, если бы не застыла прямо в воздухе примерно в метре от здания.

Клим перестал дышать, не в состоянии оторвать взгляда от красного прямоугольника, повисшего у верхней части стены. Он молчал и пытался осознать невозможное. Затем медленно обернулся к капитану и полковнику.

– Возвращение откладывается, – сообщил Леванов о своем решении, но что собирается делать дальше, не сказал. Сложив руки на груди, он погрузился в раздумья. Зоя нервно оглядывалась по сторонам.

Клим ощутил, что потрясение сменилось любопытством. Он повертел головой и обнаружил метрах в ста от здания диспетчерской небольшой парк из молодых березок, вероятно зону отдыха. Между деревьев виднелись скамейки, возле каждой – терминал ТЛМ-системы; вдалеке, рядом с густым кустарником, помигивал зеленым индикатором продуктовый синтезатор. Позабыв об отряде, Клим зашагал к парку. Через несколько секунд услышал недовольный окрик полковника, и тогда объяснил командиру, что собирается предпринять.

Четверть часа спустя восемь человек, набив карманы скафандров яблоками из синтезатора, направились к диспетчерской. Благо здание командного центра было невелико и обойти его со всех сторон не отняло много времени. Зато, когда отряд завершил обход, висящие в воздухе яблоки очертили периметр зоны, в которой локализовался странный, пугающий феномен. Зона занимала почти все здание, кроме южной его части: там яблоко свободно влетело в открытое окно; судя по звуку, упало на пол и откатилось к дальней стене помещения. С востока и запада зона вмороженности, как Клим окрестил феномен, выдавалась примерно на метр от стены здания, а с северной стороны на целых четыре.

Передвигаясь не иначе, как бросая перед собой яблоки, отряд обошел всю базу и на закате дня установил, что больше подобных зон нигде нет, равно как и нет других людей. Очевидно, все обитатели форпоста и члены вернувшейся экспедиции находились в здании командного центра. Кроме того, удалось выяснить, что «Альтаир», вопреки подозрениям Гадот, совершенно пуст, безопасен и свободен от вмороженности.

Леванов распорядился изучить материалы исследовательского зонда – этим ученые должны заняться немедленно. С ними отправится пилот Кай Моррисон, который поможет получить доступ к бортовым системам. Сам же Леванов с остальной группой попытается проникнуть в здание, чтобы исследовать его изнутри, насколько позволит периметр зоны. Но Клим запротестовал и сказал, что хочет участвовать в проникновении в диспетчерскую, поскольку ему необходимо увидеть свою дочь. Полковник не стал спорить, тем более что знания физика

могли пригодиться и там, в здании. На «Альтаир» отправилась Соира с Каем. Изучение материалов, решил Леванов, следует в таком случае начать с данных тех компьютеров, которые фиксировали состояние людей на борту во время полета. Это может пролить свет на то, что с ними приключилось.

8

Огромный шар Дорадо сделался еще громаднее, когда его край коснулся горизонта. Светило стало наливаться фиолетовым, краски сгущались по мере того, как гигантский диск медленно вплавливался в землю. Небо пошло лиловым и красным, облака вспыхнули темно-синим, а потом перекрасились в сиреневый. Небосклон в течение нескольких минут бешено играл всеми оттенками длинного спектра, но скоро затих, успокоился и разлился безмятежной чернотой. Загорелись редкие звезды, крупные и малые, которые были и не звезды, а огни далеких галактик.

Клим любовался закатом во время отдыха, который командир решил провести в парке перед проникновением в здание. Но изумительная красота неба не дарила успокоения: по спине бежал холодок, ладони потели, а сердце колотилось о ребра. Он одновременно и желал увидеть Свету, и противился этому, поскольку подозревал, что зрелище, каковым бы оно ни было, наверняка повергнет его в шок. Система жизнеобеспечения скафандра предложила утолить голод внутривенным вливанием питательной жидкости, но Климу сейчас хотелось лишь одного – стакана холодной воды. Однако полковник снимать скафандр запретил, а потому пришлось согласиться на укол. Жажда и голод исчезли, волнение никуда не делось. Система предложила легкие транквилизаторы, но Клим категорически отказался.

– Пора! – объявил Леванов и поднялся со скамьи.

Отряд встал и, пополнив запасы яблок из синтезатора, отправился следом за полковником к южной стороне командного центра.

Территория космодрома и прилегающих строений, кроме парка отдыха, освещалась прожекторами так, что никто не отбрасывал тени. Но в окне стоял мрак. Яблоко, брошенное внутрь на всякий случай, вновь подтвердило безопасность по крайней мере большей части комнаты. Леванов влез первым, за ним Клим и члены экипажа, команду замыкала Гадот.

В здании висела оглушительная, тягостная тишина. Помещение, в которое проник отряд, оказалось складом медицинского оборудования. Дверь из него вела в коридор. Он освещался люминесцентным потолком и выглядел безопасным в обоих направлениях. Сверившись с картой здания, Леванов повел отряд к лабораториям. Именно там, по его словам, находились ученые и пилот с «Альтаира». Это он знал из экстренного сообщения начальника базы Рене Рэй.

Клим ступал осторожно, чуть ли не на цыпочках, будто шел по минному полю. Скафандр вновь предложил транквилизаторы, но хозяин опять отказался. Он знал, что сердце уймется, только когда он увидит дочь, и то не факт.

Яблоки привели отряд к границе зоны замороженности, повиснув в метре от пола и в двух метрах от стены, в которую упирался коридор. Отряд остановился. Пока командир размышлял, что предпринять, Клим протиснулся вперед и, игнорируя предупреждение Гадот, подступил вплотную к висящим плодам. С этого ракурса он смог заглянуть в перпендикулярный коридору проход. Посмотрел влево – проход тянулся на десяток метров и сворачивал в сторону, там виднелись три двери; повернул голову вправо и обнаружил окно во всю стену. За ним в разных позах застыли фигуры: пять ортодоксов, еще две генмоды – один обладал четырьмя руками, другой четырьмя руками и дополнительной парой глаз на затылке. Все семь фигур находились в хорошо освещенной лаборатории. Никто не двигался.

Сердце оборвалось и рухнуло в преисподнюю. Среди ортодоксов Клим разглядел невысокую хрупкую девушку с чуть раскосыми голубыми глазами и черными как смоль волосами, заплетенными в старомодную косу. Светлана Юнь стояла к окну вполоборота, уперев одну ладонь в бок, а другую прислонив к виску, будто приглаживая выбившуюся прядь волос. Ее рот был слегка приоткрыт, губы растянуты в улыбке, на лице застыло выражение восторга. Еще совсем молодая, едва разменявшая пятый десяток, она выглядела свежо, бодро и привле-

кательно. Клим показалось, что она совсем не изменилась с последней встречи в реале год назад. Пойманная зловещим феноменом в ловушку, девушка походила на восковую куклу или персонаж с 3D-картины.

Клим проглотил комок в горле и перевел взгляд чуть в сторону, принявшись рассматривать других в замороженных.

– Юнь, будьте осторожны, – послышался голос Зои, – вы в нескольких сантиметрах от...

Клим почувствовал, что наклонился вперед слишком сильно и теряет равновесие. Его потянуло прямо на яблоки. Он не успел закричать, чья-то рука схватила его за плечо и дернула назад.

– Никакой самодеятельности, – прорычал Леванов, прижимая ученого к стене.

Клим всхлипнул и пробормотал извинения, а затем добавил:

– Там моя дочь...

– Что с ней? – спросила Зоя.

– То же, что и с остальными, – ответил он убито, – они все будто поставлены на паузу.

Леванов подступил к границе и осторожно выглянул в коридор, тихо выругался. За ним к яблокам приблизилась капитан, молча вгляделась в окно лаборатории и вернулась, не говоря ни слова. Лицо ее, видимое сквозь прозрачный визор, еще больше заострилось, глаза округлились. Остальные члены экипажа тоже воспользовались случаем и пронаблюдали, какой эффект неведомый феномен оказывает на людей.

– Вот, значит, что Рене имела в виду под словом «неконтактные», – проговорил полковник.

– Вы знали о проблемах с экспедицией только из ее словесного описания? – приподняв бровь, осведомился Клим. – Разве она не присылала какой-то видеозаписи с изображением пострадавших?

– Нет, при мгновенной сверхсветовой связи невозможна передача никаких иных сообщений, кроме текстовых, – объяснил Леванов.

– Ах вот как... – Клим потер подбородок. С особенностями сверхсветовой связи он был знаком довольно поверхностно, поскольку специализировался в другой области.

– Главное, – говорил полковник, – в сообщении начальник базы упомянула некие колбы с вакуумом и изложила суть проблемы, сопроводив ее предположением о том, что у пострадавших нарушена психика, что они замкнулись и стали неконтактные, возможно, ввиду некоего происшествия. У меня тоже сложилось такое впечатление, когда я прочел ее описание. Но теперь...

Он потряс головой, будто хотел стряхнуть с себя увиденную жуть.

– Разве она не могла определить разницы между живым человеком, у которого нарушение психики, и вот этим вот... – развел Клим руками.

– Поначалу, может, и не могла. Сообщение о проблемах с членами экспедиции она прислала сразу после прибытия «Альтаира». Вероятно, на основе первого впечатления. Но ни о каких иных проблемах на базе или происшествиях с другими людьми не было ни слова. И больше она ничего не присылала.

– А командир гарнизона?

– Тоже. Никто. Первое время мы думали, что дело в нарушениях связи, такое порой случается: издержки технологии сверхсветового контакта.

Клим покивал.

– А когда мы прибыли, – продолжал полковник, – на базе никто не отвечал ни по нейросвязи, ни по виртуалу, ни по радио. Дальше вы знаете.

– Хватит разговоров, – вмешалась Зоя, – необходимо отыскать остальных.

– Верно, – согласился Леванов и повел людей обратно.

Отряд вернулся в помещение, в которое час назад проник через окно. Они покинули его тем же путем и прошли дальше вдоль южной стены. В ней имелось несколько окон. Двигаясь по краю зоны вмерзлости, учесовцы заглянули в каждое, но ни в одном не обнаружили ничего интересного – кроме последнего. Оно вело в некий склад, дверь в который стояла полуоткрытая.

– А вот и Рене, – проговорил Леванов, заглядывая в окно.

Клим встал рядом и приблизил изображение на внутреннем экране шлема. Камера показала приоткрытую дверь, в проеме Клим разглядел смежную комнату. В ней, приблизив масштаб еще, он увидел со спины высокую стройную женщину с собранным на затылке узлом каштановых волос. Она стояла вплотную к столу, руки ее были слегка приподняты в локтях, а ладони выставлены вперед, словно она только что отбросила от себя что-то. Рядом с ней находился смуглый мужчина в форме УЧС с черными, коротко стриженными, курчавыми волосами. Он стоял боком к проему двери. Клим заметил восторг, смешанный с изумлением, на его широком скуластом лице, а также округлившиеся глаза и приоткрытый в беззвучном крике рот. Взгляд застывшего офицера был прикован к поверхности стола. На нем лежали два цилиндрических контейнера, каждый в полметра длиной. Один из них был вскрыт – будто сломанный посередине, он демонстрировал две пустые полости. Другой выглядел целым. Клим выставил приближение на максимум и прочел одну и ту же надпись на обоих: «Колба для забора вакуума. Альтаир». Из-за дверного косяка торчала чья-то рука, в помещении находился кто-то третий.

– Кто эти люди? – спросил Клим.

– Женщина – Рене Рэй, начальник базы, – ответил Леванов. – Мужчина – генерал Фор Моко, командующий гарнизоном. А позади них выставил руку вперед, должно быть, Валерий Синицын, заведующий научным блоком. А может, кто-то из диспетчеров или ученых.

– Это и есть весь персонал базы?

– Сейчас да. «Ксифия» – сравнительно молодой форпост, полноценного военного гарнизона здесь еще нет, идет подготовка. В полной мере функционируют лишь научные лаборатории. Большую часть работ выполняет автоматика, потому потребность в людях на данный момент невысока. Когда начнется строительство жилья и инфраструктуры, все, конечно, изменится.

– Мы обыскали базу, – сказала Зоя, – и никого не нашли. Значит, все тут и... вмерзены.

– Здесь делать больше нечего, – попыток полковник. – Идем на «Альтаир», узнаем, что выяснили Моррисон с Соирой.

9

Исследовательский зонд находился в противоположной части космодрома. Пока отряд шел по полю, Клим размышлял о людях, застывших, точно мушки в слитке янтаря, о яблоках и птицах, висящих в воздухе, о замершем перед броском коте. Но больше всего его потряс вид Светы, превращенной в чучело. Интересно, что она сейчас чувствует и чувствует ли вообще? Она жива?

Невероятно, дико, страшно!

Да, его отношения с собственной дочерью оставляли желать лучшего. Он не виделся с ней год, лишь изредка общался по виртуалу, но теперь старые обиды враз перестали иметь значение. Ведь с ней произошло такое ... И не подойти, не прикоснуться. Как ей помочь? Да и всем прочим тоже. «Их словно поставили на паузу», – вспомнилось ему собственное сравнение. Бред какой-то!

Небо заволочло тучами, но свет Млечного Пути подсвечивал их с изнанки, придавая небу зловещий красно-голубой оттенок. Здание диспетчерской осталось за спиной, когда отряд подошел к открытому входу в исследовательский зонд.

В обсервационном зале было тихо. Психолог и пилот лежали в ячейках, погруженные в виртуал, и работали с бортовыми системами зонда. Услышав шаги, они поднялись навстречу экипажу «Ориона». Полковник начал с подробного рассказа о том, что удалось найти при осмотре центра управления. В ответ Соира заявила, что не обнаружила в изученных записях бортовых компьютеров никаких признаков воздействия на психику экипажа «Альтаира». На зонде произошло нечто иное, уверена она, и это как-то связано с контейнерами, или колбами, вакуума. Кай, хоть и не психолог, с ней был согласен и предложил подключиться к ВИС зонда, чтобы увидеть все самим.

Клим охотно согласился и соединился через нейрочип с терминалом внутренней информационной сети. Кай запустил воспроизведение видеозаписи с внешних камер зонда, которую те сделали сразу после посадки на космодроме Ксифии. На ней Клим увидел, как служащие базы выносят неподвижные тела членов экспедиции и пилота. Также на записи было отчетливо видно, что Рене покинула зонд последней, держа в руках контейнеры с вакуумом. Оба выглядели целыми, закрытыми. Что произошло в здании ЦУ, оставалось неясным, хотя Климу начало казаться, что где-то вдали забрезжил призрачный намек на разгадку. Но прежде необходимо было изучить материалы экспедиции и узнать: что именно открыл «Альтаир»? каким образом? где в тот момент находился? как это повлияло на людей? Ответы на эти вопросы, возможно, хранились в ячейках памяти альтаировской ВИС.

– Я хотел бы изучить записи, – объявил Клим, обращаясь к Леванову. Тот кивнул и сказал:

– Приступайте! Моррисон покажет, что к чему. Соира, можешь оставаться и тоже продолжать работу. Остальные возвращаются на капсулу.

– Если захотите прерваться на отдых, поспать, приходите на «Орион», – предложила Гадот.

– Мне сон не требуется, – не без гордости заметила Соира. – По крайней мере, в привычном для землян понимании.

– И правда, – согласился с капитаном полковник, – скоро полночь. Время здесь течет почти как на Земле, только чуть быстрее.

– Вы, наверное, хотели сказать, что сутки здесь короче, – поправил его Клим.

– Именно так.

С этими словами он развернулся и зашагал к двери, экипаж двинулся следом. У самого порога Зоя остановилась и обернулась. Клим встретил ее взгляд сквозь визор шлема. Большие

черные глаза улыбались, это Клим видел даже на расстоянии. Он кивнул ей, она – в ответ и ушла.

Клим стало хорошо от ее взгляда. Ее глаза, отметил он про себя, обладают поразительной способностью: светиться улыбкой, даже если выражение лица бесстрастно.

Клим улегся в ячейку и подключился к системе, погрузился в работу. Он начал методично изучать записи бортовых систем и тех наблюдений, которые ученые делали на борту зонда во время исследования аномалии. Каждый их шаг отмечался в блоках памяти компьютера, каждое действие фиксировалось внутренними видеокамерами. Чем больше он вникал в результаты наблюдений физиков и астрономов, тем больше ему открывалась суть случившегося, его возможные последствия и глубинное значение. В понимании Клим с неожиданной, поражающей воображение ясностью представляла угроза, которая нависла над галактикой и всеми ее обитателями; угроза, идущая не от чьего-то злого умысла, а от стихии – мощной, бездумной и совершенно неодолимой.

Когда Клим отключился от ВИС и поднялся из ячейки, он увидел Соиру и Моррисона. Они стояли рядом и выжидательно смотрели на него.

– Наконец-то, – проворчала психолог. – Скоро утро.

– Вы проработали всю ночь, Юнь, – заметил Моррисон, – и, судя по выражению вашего лица, обнаружили нечто важное?

Клим только теперь ощутил усталость. Возбуждение начало спадать, глаза – слипаться, но он не желал засыпать сейчас. Попросил скафандр вколоть себе психостимуляторов, автоматика немедленно выполнила его просьбу, и он почувствовал себя гораздо лучше.

– Вы правы, – ответил он наконец, – я понял, что произошло у границ аномалии и здесь, в диспетчерской базы. Зовите полковника и экипаж «Ориона»!

Глава вторая. ПО СЛЕДАМ «АЛЬТАИРА»

1

Соира этой ночью не сомкнула глаз, но выглядела бодрой и ничуть не усталой. Заметив удивление Клима, марсианка объяснила, что полушария ее мозга посредством специального устройства полностью разделены и существуют обособленно друг от друга, а это позволяет им отдыхать по очереди. Киберам, как и ортодоксам, сон, бесспорно, требовался, но Соира, подобно многим своим соотечественникам, обладала способностью спать половиной мозга за раз – примерно как дельфины. Такой сон никак не ухудшал ее самочувствия, говорила она, зато позволял, благодаря небольшому и довольно простому имплантату, иметь гораздо более высокую производительность труда: ведь она была функциональна двадцать четыре часа в сутки. В ее словах Климу слышалась отдающая высокомерием насмешка в адрес ортодоксов, которые принципиально отказывались вживлять в свое тело электронные устройства, если те изменяют человеческую сущность. Моральные ограничения землян, однако, не распространялись на нейрочип связи и подключения к виртуалу – согласно постановлению Совета по гуманизму и нравственности, эта деталь никак «человечности» человека не угрожала.

Клим решил не обращать внимания на колкости кибера, а вместо этого сдержанно порадовался за Соиру, которая чувствовала себя, в отличие от Кая и Клима, превосходно. Моррисона клонило в сон, но он стойко держался, принимая дозу за дозой психостимуляторы от системы жизнеобеспечения скафандра.

Скоро послышались шаги и голоса: в обсервационный зал вошли Леванов и Гадот.

– Рассказывайте! – потребовал полковник прямо с порога, решив не утруждать себя приветствиями.

Клим кивнул ему и улыбнулся Зое, затем заговорил:

– То, что удалось выяснить на данный момент: проблема в образцах вакуума, которые экспедиция доставила из аномалии. На записях камер наблюдения и в ВИС видно, что ортодоксы и генмоды на «Альтаире» впали в состояние... э-э... замороженности примерно через час после того, как колбы оказались на борту зонда.

– Уточните, пожалуйста, насчет забора образцов, – попросила Зоя. – Как это происходит?

– Колбы выстреливаются через гиперпространство в точку, где будет происходить взятие, – пустился в объяснения Клим, – потом тем же путем возвращаются на зонд в специальный приемник, или шлюз. После этого автоматика выполняет с колбами определенные процедуры безопасности, чтобы исключить риски для экипажа и бортовой электроники, и только тогда колбы попадают в руки ученым. В случае с «Альтаиром» вложенных в программу процедур, по всей вероятности, оказалось недостаточно. Никто и предположить не мог, что герметичные стенки колб, непроницаемые ни для частиц материи, ни для излучения, не смогут нейтрализовать опасное воздействие, которое чужеродный вакуум вызывает при соприкосновении с нашим миром.

– Что это за воздействие? – спросил Леванов. – И при чем здесь вакуум?

– Феномен Дорадо привлек внимание ученых как источник мощных гравитационных волн, неожиданно возникший там, где его быть просто не могло, – сообщил Клим то, что знал из внутренних информационных сводок Института. – Но экспедиция «Альтаира» начала исследование аномалии с того, что взяла из нее образцы вакуума, видимо, чтобы точно определить, не изменились ли свойства пространства в той области космоса. Насчет опасного воздействия на наш мир точно сказать невозможно: пока не хватает данных. Но могу поделиться своими догадками. Мм... – Клим призадумался, подбирая слова. – Мы говорим иносказательно о

пострадавших людях или о предметах, что они как бы заморожены. Это верно, но заморожены они не в лед, а в реальность.

– В смысле? – не поняла Соира. – Для них реальность остановилась?

– Не сама реальность, а время. Их индивидуальное время.

– Индивидуальное время? – сморщил лоб Леванов. – Это как? Я думал, оно одно на всех.

– Время и правда одно, но вместе с тем оно относительно. К примеру, вы и я стоим сейчас друг напротив друга и беседуем. Может создаться обманчивое впечатление, что мы с вами пребываем в одном и том же времени, но это иллюзия, вызванная несовершенством человеческих органов чувств. Вы, полковник, видите меня не таким, какой я есть в данное мгновение, а таким, каким я был наносекунду назад: свету требуется время, чтобы отразиться от меня и добраться до ваших глаз. Одновременность – это иллюзия. На самом деле все объекты во Вселенной существуют как бы в разновременности. То есть у каждого время свое, именно поэтому я назвал его индивидуальным.

– Понятно. Так что со временем-то? Оно останавливается?

– В определенном радиусе оно перестает течь, замирает, но только для тех объектов – живых или неживых, – которые оказались вблизи от феномена или подверглись его влиянию непосредственно.

– Каким образом в таком случае «Альтаир» вернулся на базу? – удивилась Зоя.

– Возвращение и посадку произвел автопилот в аварийном режиме, – объяснил Кай, – когда решил, что на борту отсутствует пилот или иные живые существа. Он просто перестал их распознавать.

– Да, именно так и было, – подтвердил Клим. – Как только члены экспедиции оказались под воздействием инородного вакуума, они замерли во времени, и тогда зонд перешел в аварийный режим самовозврата.

– Я не об этом, – помотала головой Гадот. – Я не понимаю, почему не вмерз весь зонд вместе со своей электроникой?

– Хм... интересный момент, – заметил Клим. – Если честно, не знаю. Но предполагаю, что все дело в уровне сложности объекта и в интенсивности воздействия, под которым он оказался.

– По сообщению Рене, электроника зонда молчала, когда он прибыл на базу, – вставил Леванов, – работал лишь автономный блок самовозврата, а он, по сравнению с прочей автоматикой зонда, довольно прост... – Полковник озадаченно потер лоб. – Но я совершенно не понимаю, какое отношение имеет сложность к вакууму?

Клим задумчиво покачал головой.

– Тоже не знаю. Не представляю, как такая связь может существовать, но она, мне кажется, есть.

– Почему ты так уверен? – с сомнением спросила Соира.

– В самом деле, – поддержала ее Зоя, – воздействие вакуума проявилось и на зонде, и в диспетчерской, но в первом случае заморозились в реальность только люди и часть электроники, а во втором – и люди, и звери, и разведзонды, и вся электроника, и даже оборудование. Там встало все.

– Не все, – возразил Клим. – Флаг на крыше свободно трепетал, да и двери внутри помещений открывались без проблем.

– И что это значит?

– На первый взгляд, этот факт подтверждает некую корреляцию между степенью воздействия и сложностью.

– Но на зонде... – начала Соира.

– Именно! – угадал ее мысль Клим. – На зонде колбы были запечатаны. Но в ЦУ одна из них вскрыта. Произошло ли вскрытие вследствие преднамеренного действия или случай-

ности, пока не ясно – записи с камер в лаборатории нам недоступны и остаются в пределах зоны вмерзлости. Как бы то ни было, вывод напрашивается такой: в диспетчерской вакуум из аномалии воздействовал на наш мир в несравнимо большей степени, так сказать, непосредственно, и в результате вытеснил наш вакуум и занял определенный объем, причем немалый. А на зонде – только сквозь стенки колб, крайней ограниченно, потому не сразу, но лишь спустя час после того, как колбы оказались на борту. И, как следствие, не образовал никакую зону вмерзлости.

– Вы так говорите, Юнь, будто вакуум – это некая бактериальная флора или радиация, которая может тем или иным образом распространяться. Это же просто пустота!

– Нет, господин Леванов, вакуум – что угодно, но только не пустота, – принялся объяснять Клим. – Даже если полностью освободить от вещества определенный участок пространства, он не будет пустым в прямом смысле слова. На этом участке постоянно рождаются и погибают элементарные частицы, то есть его энергия не равна нулю. А энергия, как мы знаем со школы, есть одна из форм существования материи.

– Значит, вакуум вещественен? – уточнила Соира.

– Не совсем. Но он вполне может влиять на свойства вещества. И то, что мы наблюдали в диспетчерской или на борту «Альтаира», может быть проявлением такого влияния. Понимаю, звучит абсурдно, но на данный момент имеются достаточные основания, чтобы делать подобные выводы. Возможно, мы еще мало знаем о связи с материальными объектами того, что ошибочно считают пустым пространством.

– И все же, Юнь, – сказал Леванов, – растолкуйте насчет степени воздействия вакуума и сложности объекта. Звучит в самом деле абсурдно.

– Согласен. Почему так происходит, сказать пока не могу. Но верно ли мое предположение, легко проверить: достаточно швырнуть в зону некий примитивный объект, например камень. Если я прав, он не вмерзнет.

– Я уже кидала примитивный объект, – напомнила Соира, скептически качая бритой головой, – и он вполне себе вмерз.

– Если ты про медицинский регенератор, то не такой уж он и примитивный, – возразила Зоя.

– Да, – поддержал капитана Кай и усмехнулся, – в него встроены такой навороченный чип и настолько мощный софт по диагностике, что некоторые даже разговаривают со своей аптечкой и делятся с ней секретами.

– Неужели мощнее, чем софт в системе автовозврата? – удивилась Соира.

– Я не инженер и не электронщик, – сказала Гадот, – но в общих чертах знакома с устройством автопилотов. В них используется довольно примитивный алгоритм. Его сложность, вероятно, не перешла некий порог, после которого возникает эффект вмерзлости.

– Яблоки – это органика, живая ткань, то есть исключительно сложные объекты, – сказал Клим. – Да и электроника в ЦУ тоже – все это несравнимо сложнее флага или камней. Но, чтобы убедиться окончательно, следует поэкспериментировать еще.

– Ладно, идемте, – недолго думая предложил полковник. – Если вы здесь закончили, вернемся на «Орион» и заодно проверим предположения нашего физика.

2

Дорадо повис над горной грядой огромным бело-голубым шаром. На визоры шлемов опустили светофильтры. Автоматика скафандров сообщила, что температура воздуха в тени достигает тридцатиградусной отметки, но непроницаемая ткань спасала космонавтов от мощи жаркого светила.

Пять человек пересекали спешным шагом серое графеновое поле, направляясь к зданию диспетчерской. Клим держал в руке несколько мелких камешков, подобранных с аллея парка, и прихватил на всякий случай еще и ветку березы. Остановившись в паре метров от висящих над землей яблок, он швырнул в сторону здания камни – те щелкнули о стену, упали на графен и раскатились по сторонам. Метнул копьем ветку – она замерла и повисла рядом с яблоками.

– Что и требовалось доказать, – пробурчал он.

– Мда-а... – протянул Леванов.

Остальные ошарашенно смотрели то на ветку, то на камни.

Наконец оцепенение прошло, и Соира предложила бросить камни с других сторон здания тоже: на всякий случай, для чистоты эксперимента, объяснила она. Клим не возражал, хотя считал это излишним. Сделали, как предложила психолог, – результат оказался ожидаем.

– Все ясно, – заключил полковник, – теперь на капсулу.

На борту он наконец позволил снять скафандры и велел физику и пилоту отдыхать: тем требовалось поспать после бессонной ночи.

Клим спорить не стал, несмотря на то что хотелось поработать с альтаировской ВИС еще, – ее скопировали в блоки памяти «Ориона». Но, пересилив себя, отправился в каюту, которую ему отвели для отдыха. Соира возвратилась в общий зал досуга, а члены экипажа во главе с полковником разбрелись по своим рабочим местам.

Кабюта выглядела скромно, но уютно. Широкая кровать и кресло с подключением к виртуалу, к «машине счастья» и к терминалу капсульной ВИС; рядом с креслом – продуктовый синтезатор и узкий гардероб; отдельный вход в душевую. Приняв душ, Клим лег в постель и мгновенно провалился в сон.

Спал он не долго и не глубоко. Смешанное чувство возбуждения и тревоги настигло его через несколько часов и вытянуло из объятий Морфея. Как можно спать, когда Света замерла истуканом, а вокруг творится черт-те что: невиданный феномен – локальная остановка времени – переключался со страниц научно-фантастических романов в реальность. Как вернуть замерших к жизни? Что происходит в аномалии Дорадо? Отчего такой странный, совершенно непредставимый эффект? И при чем здесь вакуум? Множество вопросов нахлынули мощной волной, как только Клим разлепил веки.

На Ксифию опустил вечер. Экипаж капсулы собрался в комнате отдыха. Кто-то ужинал, кто-то наслаждался лимбическими манипуляциями «машины счастья». Зоя сидела в одном из кресел с закрытыми глазами, но Клим знал, что она не спит, а работает.

– Так, теперь все в сборе! – громогласно объявил полковник, когда Клим вошел в зал. Зоя открыла глаза, улыбнулась физику и снова прищурила веки, погружившись в виртуал. Но продолжить работу у нее не получилось, Леванов сказал: – Необходимо решить, что делать дальше.

– Ясно что, – ответил Клим, усаживаясь напротив полковника и капитана. – Лететь к аномалии и разбираться на месте, что за чертовщина там происходит.

– Лететь к аномалии? – Леванов нахмурился. – Для этого мне требуется санкция Генштаба. Мы же не исследовательский зонд.

– Так запросите ее, – пожал плечами Клим. – Действовать необходимо быстро, мы не знаем, как локальная заморозка времени сказывается на живых организмах, на людях. Хочется

надеяться, что все внутренние процессы тоже замораживаются, что они на паузе не только внешне. Однако не исключено, что мозгу такое состояние наносит непоправимый вред. В любом случае, необходимо разобраться, что произошло и как помочь пострадавшим, а этого мы не узнаем, пока не исследуем аномалию. Ведь к колбам с вакуумом у нас доступа нет.

– Физик прав, – поддержала его из дальнего угла Соира, обращаясь к собеседникам по нейросвязи. Затем встала и переместилась ближе, заговорила голосом: – Согласна: мы понятия не имеем о возможном вреде для психики людей. Их следует... мм... излечить как можно скорее.

– Так-так... – полковник призадумался, потирая высокий лоб.

– Мы не можем запросить санкцию Генштаба, – заявила Гадот. Леванов повернул к ней лицо, взглянул вопросительно. Капитан объяснила: – Терминал сверхсветовой связи расположен в здании ЦУ.

– А разве на «Орионе»... – начало было Клим, но женщина покачала головой:

– Нет, это слишком сложное устройство, его мобильную версию не размещают на обычных боевых капсулах, только на флагманах.

– Так что же теперь, возвращаться на Оберон? – с досадой развел руками Клим.

– Слишком дорого, – покачал головой полковник, – прыжок на двести с лишним тысяч светолет сожрет почти весь запас аккумулятора. Идти на такие растраты, только чтобы спросить что-то у командования, неразумно. Так можно и выговор схлопотать. Надо решать самим...

Он умолк, погрузившись в раздумья, затем хлопнул себя по коленям и объявил:

– В конце концов, нас отправили выяснить, что произошло с «Альтаиром», этим мы и займемся. Летим к аномалии!

– Мы можем взять с собой только один запасной комплект аккумуляторов, – предупредила Гадот, – если отыщем его на складах базы.

– Аномалия расположена в восьмидесяти восьми тысячах светолет от Дорадо, – сказал Леванов. – Одного полного комплекта плюс запасного должно хватить с лихвой. Позаимствуем со складов. Отправьте людей, капитан, пусть займутся аккумуляторами.

Видимо, Гадот дала команду экипажу по ментальному каналу. Со своего места поднялись двое мужчин: пилот Моррисон и один из операторов. Оба направились к выходу.

– Экспедиция к аномалии может занять неопределенное время, – сказал Леванов, обращаясь к Соире. – У тебя имеются причины, по которым ты не в состоянии лететь с нами?

– Нет, все в порядке, – ответила кибер.

– А у вас? – Леванов посмотрел на физика.

Клим отрицательно покачал головой и подумал, что, даже если бы причины были, он все равно полетел бы. Ведь речь шла не только об удовлетворении профессионального любопытства, но и о спасении собственной дочери.

– Превосходно! Сколько времени понадобится на установку аккумуляторов? – этот вопрос он адресовал Зое.

– Не больше трех часов, – ответила капитан и добавила: – Если на складах имеется все необходимое.

– Тогда вылетаем, как только капсула будет готова.

– Следует погрузить на «Орион» астрофизическое оборудование из лабораторий зонда и базы, – счел нужным напомнить Клим, – и подключить к системе. Нам придется изучать феномен на месте.

– Сделаем!

С этими словами полковник поднялся и покинул зал досуга. Соира тоже ушла, направившись к синтезатору. Клим посмотрел на Гадот. Закинув ногу на ногу, та сидела с полуприкрытыми глазами и общалась с системой. Длинные черные волосы падали волнистым покрывалом

на узкие плечи, лицо казалось матовым в свете люминесцентного потолка, от уголков глаз разбегались едва заметные сеточки морщин. Крупный нос, хищно загнутый книзу, придавал лицу суровое, даже воинственное выражение, но общего впечатления не портил. Клим сам для себя решил, что капитана «Ориона» можно с полным правом назвать красивой женщиной.

– Что-то случилось? – неожиданный вопрос застал его врасплох. Зоя смотрела ему прямо в глаза, уголки ее тонких губ едва заметно приподнялись.

Клим на миг смутился, отвел взгляд, но тут же взял себя в руки и сказал:

– Ничего... э-э... просто люблюсь.

Большие черные глаза засветились улыбкой. Зоя проговорила:

– Если честно, мне приятно ваше внимание.

Клим ощутил, как внутри застучало; ему вдруг захотелось пересесть к ней поближе и обнять. Он с трудом удержался на месте.

– Вам, наверное, тяжело сейчас, – взгляд Зои стал сочувственным. – Вы были близки со своей дочерью?

Клим помрачнел.

– Да, нелегко. То, что с ней стало, невероятно и ужасно. А наши отношения... нет, знаете, после расставания с ее матерью много лет назад все у нас пошло наперекосяк. Дочь решила, что я ее предал; я же считал такую позицию предательством по отношению к себе. Короче, мы как бы предали друг друга.

– Оба неправы, но при этом никто не виноват, – прокомментировала Зоя.

– Да уж, парадокс. Знаю, что неправ, но заставить себя относиться к дочери по-другому не могу.

На несколько минут повисло молчание. Затем капитан сказала:

– Я отказалась от деторождения еще в юном возрасте. – Видя немой вопрос в глазах собеседника, объяснила: – Не хочу. Просто не хочу.

– А инкубаторное вынашивание?

– Тоже. Просто не хочу детей. Скажу вам откровенно: детей я не люблю. Вообще.

– Нынче не многие смеют признаваться в таком, – с уважением в голосе заметил Клим. – Деторождение опять в моде: правительству требуются новые поселенцы для заселения колоний.

– Вы правы. После изгнания лейгов из Антареса всем человечествам открылась масса возможностей по освоению космоса, по крайней мере нашего Рукава галактики. Но дети... нет, это не для меня. Пусть ортодоксия набирает новых поселенцев без моего участия.

– Ходят слухи, что правительство собирается ввести закон о принудительном деторождении для каждого ортодокса. Хотя за индивидом сохранится право выбирать способ вынашивания.

Зоя хмыкнула, дернув плечами.

– Введут – уйду к киберам. А то и к генмодам. Их последнее открытие, кстати говоря, позволяет перейти на фототрофный образ жизни, и мне это очень даже по душе.

– Да, я слышал о нем, – покивал Клим, – но такой переход подразумевает ампутацию всего желудочно-кишечного тракта – за ненадобностью.

– Ну и здорово! – Она усмехнулась. – Похудею на несколько килограмм.

Клим ошарашенно воззрился на собеседницу: та позволяла себе высказывания, которые могли стоить ей карьеры. Затем одобрительно улыбнулся. Он не разделял неортодоксальных настроений Зои, однако его всегда привлекали смелые женщины, а потому он невольно проникся уважением и еще большей приязнью к отважному капитану. Даже позавидовал ее гражданской отваге. Но мысль о том, чтобы превратиться в разумное растение, полностью изменив свой метаболизм и начав питаться солнечными лучами, казалась ему дикой. Хотя, возразил он

сам себе, современная жизнь оставляет так мало места для подвигов, что добровольное превращение в растение можно счесть таковым.

– Я вас напугала?

Клим покачал головой.

– Нет, скорее заинтриговали. Будьте осторожнее с вашими мыслями, у вас могут возникнуть проблемы.

– Это мне известно. Но не волнуйтесь, я знаю, кому могу открыться.

Зоя обворожительно улыбнулась – на этот раз засияла всем лицом – и встала из кресла. Не прощаясь, она направилась к выходу. Клим глядел ей вслед, наслаждаясь грациозными движениями ее гибкой фигуры, а затем поднялся и решил как следует попользоваться синтезатор: жутко хотелось есть.

3

Ближе к полуночи капитан Гадот объявила о готовности капсулы к взлету. К тому времени в двигательном отсеке сменили использованный аккумулятор на новый, который удалось отыскать на складах базы, а в специальный разъем под ним вставили еще один, запасной. В командном отсеке пилот и боевые операторы тестировали оборудование и все системы «Ориона», чтобы исключить любые риски в предстоящем предприятии. Клим, решив не мешаться под ногами, удалился в комнату отдыха. Там, на одном из диванов, лежала, заложив руки под голову, Соира. Погруженная в себя, она никак не отреагировала на появление физика. Клим это вовсе не огорчило: хотелось побыть одному. Угостившись крепким мокка-венус (лучшим сортом венерианского кофе), он уселся в сторонке и подключился к терминалу ВИС.

Внешние камеры передали на его зрительную кору изумительную картину ночного неба. Галактический диск повис над форпостом, будто огромная тарелка, полная рубинов и сапфиров. Мерцающие волшебным светом драгоценные камни, казалось, вот-вот сорвутся с поверхности блюда и многоцветным дождем осыплются на землю. Небо вокруг Млечного Пути, подсвеченное сиянием миллиардов солнц, обрело багровый оттенок и выглядело сплошным колпаком. Лишь на некотором расстоянии от гигантского диска горели крупные и мелкие светлячки далеких галактик; у самого горизонта повисло эллипсообразное пятнышко Туманности Андромеды.

Прекрасный вид ночного неба сменился сообщением ВИС: «Взлет через 60 секунд». Клим ощутил волнение: капсула отправлялась в немыслимую даль – глубокое межгалактическое пространство – навстречу неведомому и опасному феномену, который подстерегал космонавтов в бескрайней пустоте.

Антигравы плавно приподняли «Орион» над космодромом. Хорошо освещенная территория форпоста вместе со зданиями и стоящими на поле зондами уменьшилась, но осталась отчетливо различимой на высоте около километра. Здесь запуск аннигиляционных двигателей был безопасен для поверхности планеты. Из четырех маневровых сопел вырвались бело-голубые плазменные струи, и капсула устремилась ввысь, в ночное багровое небо. Теперь разгон шел с гораздо большим ускорением; Ксифия быстро сжималась, капсула разворачивалась, ложась на курс в открытый космос. Скоро из-за планетного диска показался громадный голубой шар Дорадо. Смотреть на него можно было сколько угодно: свет гигантской звезды не представлял угрозы для зрения при трансляции изображения напрямую в мозг.

Скоро планета утонула в ярких лучах Дорадо, а само светило прямо на глазах стало уменьшаться. Миновало около получаса, и оно уже не занимало весь обзор, а сжалось до размеров Солнца на земном небе. Галактический диск безмолвно взирал на готовящуюся к прыжку капсулу. Клим казалось, что он видит прощальное подмигивание бесчисленного множества звезд, похожих на толпу провожающих – так в древности собирались на берегу люди помахать вслед кораблю, уходящему в дальнее плавание.

Трансляция с камер прервалась, ВИС запустила обратный отсчет перед нырком в гиперпространство. Через шестьдесят секунд мир погас и миг спустя вспыхнул вновь миллиардами светлячков, которые складывались в незнакомые созвездия из дальних и близких галактик – как спиральных, так и эллиптических, и шаровых. Млечный Путь растерял свой блеск, потускнел и больше не выглядел россыпью драгоценных камней, закрученных гравитацией в спирали; заметно подтаяв, он теперь скромно светился желтоватым диском с размытыми краями.

ВИС сообщила, что прыжок прошел успешно и никаких проблем с экипажем и пассажирами не наблюдается. Клим окинул взглядом космос – пустынный, холодный, безжизненный; именно таким он ощущался здесь, за несколько сотен тысяч световых лет от дома. Прямо по курсу «Ориона» Клим заметил яркую звезду. Она сияла неистовым фиолетовым светом,

выделяясь на фоне прочих небесных тел. ВИС услужливо подсказала, что Клим смотрит на объект, называемый аномалией Дорадо, и, не дожидаясь следующих вопросов, выдала краткую справку: официальное наименование – объект Хайнца-Никольского; обнаружен в созвездии Золотой Рыбы пять лет назад астрономами Робертом Хайнцем и Владимиром Никольским из Лунной обсерватории; расстояние до Земли – 298 тысяч световых лет; ранее не исследован, происхождение объекта неизвестно, определить относительную скорость невозможно; является источником мощных гравитационных волн, которые по своему характеру не похожи на волны от черной дыры, нейтронной звезды или иного сверхтяжелого объекта.

Сухая статистическая информация о феномене навела смутную тревогу. Клим отключился от ВИС и встал из кресла, принялся ходить взад-вперед по залу досуга, почесывая подбородок. Затем не выдержал, связался с Левановым по нейроканалу.

– Когда можно продолжить изучение материалов «Альтаира»? – Ему не терпелось вернуться к работе. – Мы не знаем об аномалии еще многого из того, что удалось выяснить экспедиции. Стоило бы подготовиться как следует, прежде чем...

– Юнь, – прервал его полковник, – можете приступить хоть сейчас, но торопиться нет необходимости: мы еще довольно далеко. Гадот приняла решение прыгать в два этапа, чтобы исключить неожиданности. Сейчас мы вынырнули на большом расстоянии от цели. Когда осмотримся и убедимся, что все нормально, сделаем еще прыжок и подрулим к точке наблюдения.

– Ах вот как...

– Да, вы еще и отдохнуть успеете.

– В самом деле. Спасибо!

Клим отключился и сверился с бортовыми часами – было уже за полночь. Он решил, что последует совету Леванова, тем более что после прошлой бессонной ночи так и не отдохнул. С этим отправился в свою каюту.

После душа лег в постель и собрался было заснуть, но по нейросвязи прозвучал сигнал вызова.

– Простите, что беспокою, Клим, – сказал голос Зои, – но мне необходимо вас увидеть.

– Я не сплю, приходите.

Несмотря на усталость, Клим ощутил, что его радует предстоящий визит капитана. Хотелось узнать о легендарной Гадот побольше. Кроме того, что она изумительно красивая женщина, она еще и героиня недавней войны – непривычное сочетание, по крайней мере для сегодняшнего ортодоксального человечества. Когда женщина участвует в боевых действиях, это так старомодно, что звучит даже мило.

Она вошла в каюту, будто влетела, раскинув крылья, черная орлица. Клим поднялся ей навстречу, указал на стул, предлагая сесть. Но Зоя подошла вплотную, обхватила его руками за плечи и припала к его губам своими. Клим ошарашенно ответил на поцелуй, отмечая про себя, что знаменитая капитан старомодна даже в любви: практикует «мокрые» поцелуи. На этом способность рассуждать улетучилась вместе со всеми мыслями, оставляя простор для страсти и безудержного желания.

4

Некоторое время спустя Клим лежал на боку, перебирал и накручивал на пальцы черные локоны Зои, наслаждаясь их шелковистой мягкостью. Замедленное дыхание женщины и ее мерно вздымающаяся грудь ясно говорили о том, что она дремлет, а не подключилась к управляющим системам капсулы. Клим молча наблюдал за ее лицом, грозным, почти воинственным и вместе с тем нежным и добрым. Под сомкнутыми веками едва заметно двигались глазные яблоки, крылья носа подрагивали; тонкие губы шевелились, будто она с кем-то вела беседу. Тут женщина вздрогнула и распахнула глаза, поморгала.

– Прости, задремала, – вяло проговорила она и улыбнулась, – утомил ты меня...

– Не за что извиняться, – откликнулся Клим, – мне нравилось наблюдать за тобой. Во сне ты немного другая...

– Какая?

Клим помолчал, потом двинул плечом.

– Не знаю, так сразу не скажешь. Как только смогу сформулировать, сообщу.

Зоя усмехнулась и погладила его по щеке, прошептала:

– Мне было безумно хорошо... так, будто я...

– Подключена к ТЛМ? – хохотнув, подсказал Клим.

– К «машине счастья»? – Она фыркнула. – Это мусор по сравнению с реальностью. По крайней мере, в твоем случае.

– Радует, что ты стараешься сделать мне приятно, спасибо! Однако мы оба знаем, что...

– Я так не думаю, – покачала она головой, угадав его мысль. – Эмоции, которые рождает в нас тээлэмка, не настоящие.

– Ну как же не настоящие, если ты их ощущаешь и осознаешь? Мало того, они приводят к точно таким же биохимическим реакциям, как и эмоции, вызванные традиционными способами: выброс адреналина, пульс, дыхание...

– Дело не в биохимии, Клим. Дело именно в осознании. Да, я правда ощущаю некую вызванную ТЛМ эмоцию, скажем, восхищение прекрасным закатом. На первый взгляд она кажется настоящей, я ее такой ощущаю. Но именно понимание того, что она вызвана искусственно, не позволяет мне относиться к ней иначе, как к эрзацу. Я *осознаю* ее эрзацем.

– Понимаю, – кивнул Клим, – но любую эмоцию вызывает стимуляция определенных участков мозга. Почему для тебя важно, чем именно осуществляется стимуляция, если результат один и тот же?

Зоя помедлила с ответом, задумавшись, а Клим продолжил:

– Приведу пример: еда, которую мы получаем из продуктового синтезатора. Если ты желаешь грушу, ты можешь сорвать ее с дерева, а можешь нажать кнопку на синтезаторе, который сложит энное количество атомов в нужном порядке, и в результате ты получишь точно такую же грушу. Разве она будет для тебя эрзацем?

Зоя продолжала размышлять, поглаживая мужчину по плечу. Глаза ее были открыты, но смотрела она не на любовника, а куда-то в сторону. Взгляд блуждал по комнате, пока не остановился на собеседнике. Наконец она ответила:

– Чувства и груши – не одно и то же, Клим. Трудно сказать наверняка, но думаю, дело в осознании. Вроде бы ты прав, когда говоришь о продуктивном синтезаторе, но с чувствами не все так просто. Осознанные эмоции – один из компонентов личности, и...

Она отвела взгляд и опять впала в раздумье.

– И? – подстегнул ее Клим минуту спустя.

– И если они у тебя ненастоящие, то и ты ненастоящий.

На этот раз задумался Клим. Выпустив из пальцев черные локоны, он откинулся на спину и заложил руку под голову, принялся размышлять, могут ли испытываемые эмоции вообще быть настоящими или поддельными. Применимы ли эти категории к такому явлению, как чувства разумного существа? Однако уплыть мыслями далеко не успел. Через некоторое время над ним нависла Зоя, глаза ее блестели, роскошная черная грива упала Климу на грудь, защекотала лицо. Ее взгляд, дикий и хищный, как у орлицы, настигшей жертву, воспламенил в нем тлеющее желание. Он обнял женщину, прижал к себе и погрузился в круговерть сладостных ощущений, и ему было все равно, настоящие ли они...

5

Пробудившись, Клим обнаружил, что лежит в постели один. Мелькнула мысль: не приснилось ли ему это – жаркое тело, чарующий голос, горящие глаза, вуаль густых черных волос, неутолимая страсть, воспламеняющаяся вновь и вновь?.. Нет, сны такими не бывают, только ТЛМ-системы. Но он точно помнил, что к «машине счастья» вчера не прикасался, хотя немало о ней размышлял. А когда по нейросвязи пришло приватное сообщение «Не скучай, скоро увидимся», он почувствовал себя счастливым и без всякой лимбической манипуляции.

Наскоро перекусив, Клим уселся в кресло, подключился к ВИС и погрузился в работу. Перед его внутренним взором выстроились ряды файлов с результатами наблюдения за аномалией, которое проводили Светлана и ее коллеги. «Альтаир» подошел к объекту на расстояние нескольких светодней и, судя по записям астрофизиков, этого оказалось достаточно, чтобы начать изучать аномалию с близкого по астрономическим меркам расстояния. В нее из этой точки были запущены колбы, которые взяли образцы вакуума. В пилотских логах, однако, Клим обнаружил приказ о срочной подготовке к обратному прыжку. Зонд совершил подпространственный нырок и появился в окрестностях Дорадо. Но почему наблюдение прервали так неожиданно? На момент приказа о подготовке к прыжку – это Клим видел четко – члены экспедиции были еще вменяемы, хотя колбы уже попали на борт. Пилот принял решение о срочной эвакуации, и лишь потом, спустя час, когда «Альтаир» уже находился сравнительно недалеко от базы, время для людей остановилось, и включился режим автовозврата. Клим принялся скрупулезно, предложение за предложением, изучать записи наблюдений ученых и сопоставлять время событий с действиями пилота, отмеченными в бортовых логах.

Объем работ оказался колоссальным. Клим провозился большую часть утра, стараясь не отвлекаться на смакование воспоминаний о минувшей ночи. А ближе к обеду ему открылась суть происходящего, и стало страшно. Страшно так, словно он оказался на пути потерявшего управление грузового планера. Когда Клим понял, с чем столкнулась экспедиция, он решил немедленно связаться с Левановым, но в это мгновение ВИС прервала связь с данными, сообщила о предстоящем гиперпрыжке и запустила обратный отсчет. Клим в ужасе оцепенел, во рту тотчас пересохло. Полковник ответил на вызов почти сразу.

– В чем дело, Юнь?

– Мы же прыгаем к точке наблюдения, да? – с тревогой спросил Клим.

– Верно, все как планировали.

– Насколько близко мы к ней окажемся?

– Вынырнем на расстоянии четырех светодней и подойдем на термоядерной тяге к точке, откуда будут вестись наблюдения. Подруливание займет несколько часов. Что-то не так? Не тяните, Юнь, скоро ныряем.

ВИС отсчитывала последние секунды перед запуском концентраторов.

– Остановитесь! Не делайте этого! – вскричал Клим. Внутри все сжалось в предчувствии катастрофы.

– Что случилось?!

– В аномалии происходит распад...

Нейросвязь прервалась. Мир провалился в ничто и миг спустя всплыл.

Клим выскочил из кресла и бросился прочь из каюты. Несколько минут, во время которых он несся по коридорам капсулы, показались целым столетием. Наконец он остановился перед дверью в командный отсек. Она исчезла, открывая проход. Клим вошел и встретил напряженный взгляд Зои – и не увидел в нем ни намека на бурю феерических эмоций, которые она недавно испытывала. Теперь она была совсем другая.

– Что такое, Клим? – резко спросила капитан.

Но ответа не дождалась – прищурила веки, погружившись в систему управления. Клим тяжело дышал, затем выдавил:

– Надо уходить... от аномалии... как можно скорее! Мы слишком близко к ней!

– Что вы несете! – вскричал полковник, нависнув над физиком. – До объекта больше сотни миллиардов километров, и к тому же...

Но вместо Клим заговорила внезапно охрипшим голосом Зоя:

– На нас что-то надвигается...

Леванов резко обернулся к ней.

– Надвигается что?

– Пузырь истинного вакуума! – ответил за нее Клим.

– Объясните! – полковник вновь повернулся к физика, схватил его за локоть и заглянул в глаза.

– Потом объясню, уводите капсулу немедленно! Пузырь приближается со скоростью света!

– Наблюдаю, – подтвердила капитан. – Уходим!

Она прикрыла веки, возвращаясь к управлению.

Клим все еще тяжело дышал, сердце стучало в груди, в горле встал липкий ком. Он прислонился к стене и тоже прищурился, подключаясь к ВИС, чтобы понаблюдать за ситуацией вокруг «Ориона». Увидел, как капсула начала разворот, маневровые двигатели заработали на полную мощь. То, что прежде казалось сиреневой звездой, увеличило яркость и видимый размер и теперь походило на шарик для пинг-понга, а затем прямо на глазах выросло до апельсина.

– Прыгайте же! – вскричал Клим, обращаясь к Зое. – Аномалия к нам гораздо ближе, чем мы рассчитывали!

– Прыжок сейчас невозможен, – процедила она.

– Почему?

– Концентраторы разряжены, нужно время.

Клим вспомнил, что когда-то читал о принципе действия гипердвигателей: он основан на разрыве ткани пространства-времени сосредоточением гигантского объема энергии в микроскопической точке. Оно выполняется концентраторами, которые после каждого выброса энергии требуют подзарядки.

– Как долго они будут заряжаться? – спросил он.

– Не менее получаса, – ответила капитан.

Леванов пробурчал проклятия и принялся мерить нервными шагами командный отсек.

«Орион» между тем завершил разворот и начал ускорение. Заработали аннигиляционные двигатели, сопла выстрелили снопами плазмы, и капсула помчалась прочь от разбухающего фиолетового шара. Ее скорость стремительно росла и через десять минут достигла 80% от световой – большего из аннигиляционных двигателей не выжать. «Орион» удирал от аномалии на максимальном ходу, но этого было явно недостаточно: та увеличивалась на глазах и выглядела теперь, как сиреневый арбуз. Концентраторы по-прежнему заряжались, но уровень заряда был еще далек от нужного.

– Юнь, – заговорил Леванов, – объясните, наконец, что происходит?

– Вы что-то раскопали в материалах «Альтаира»? – добавила свой вопрос капитан.

Клим отключился от ВИС и обратился к полковнику и капитану:

– Астрофизики «Альтаира» выяснили, что в этой части космоса идет распад ложного вакуума...

– Так, я совсем запутался, – потряс головой Леванов, – недавно вы упоминали истинный вакуум.

– Верно, – кивнул Клим, а затем призадумался на мгновение, подбирая нужные слова, и продолжил: – Не знаю, как все началось, но на данный момент ситуация такова: там, – он

неопределенно качнул головой, – распадается обычное пространство. Оно называется ложным, поскольку находится не на самом низком энергетическом уровне.

Клим растерялся, увидев непонимание на лицах собеседников. Затем, после недолгой паузы, собрался с мыслями и заговорил дальше:

– Вакуум вообще – это область с минимальной энергией. Привычное нам пространство не обладает минимальной энергией... э-э... для наглядности можете представить себе крутой склон горы, который выравнивается, образуя плато, а затем снова обрывается вниз к другому плато, лежащему ниже первого – на самом дне. А теперь представьте себе нашу Вселенную в виде мячика. В момент Большого взрыва мячик скатился по склону горы, попал на первое плато, подкатился к самому краю и там замер. Первое плато – это наше нынешнее пространство с известными нам свойствами вакуума. Ложным оно называется потому, что только кажется дном, а на самом деле это лишь промежуточное плато – настоящее дно намного ниже, и там свойства вакуума будут совсем иными. Поэтому он считается истинным. – Клим опять сделал паузу, погрузившись в размышления. Полковник и капитан напряженно ждали. Через пару минут Клим продолжил объяснять: – Мячик от дальнейшего скатывания отделяет совсем немного, возможно, некий толчок, спонтанный или вызванный искусственно, который заставит его продолжать падение на самое дно. Похоже, такой толчок здесь и произошел.

– И... что это означает для нас? – спросила Соира, которая тоже вошла в командный отсек и прислушивалась к разговору.

– До сих пор вопрос о распаде ложного вакуума являлся чисто теоретическим, – сказал Клим, – вероятность этого события оценивалась крайне низко. Но оно, как видно, все же произошло, и нам придется что-то с этим делать. В аномалии Дорадо находится точка, где распад начался. Этот процесс выражается в том, что пространство, или вакуум, меняется и обретает совершенно иные свойства, которые, скорее всего, окажутся несовместимы с жизнью в той форме, в которой она нам на данный момент известна. Скорее всего, но не обязательно – все зависит от того, какие именно свойства и особенности приобретет новый, истинный, вакуум.

– Но почему это вдруг произошло? – удивился Леванов. – И именно сейчас?

– Произойти *сейчас* это могло с той же вероятностью, что и в любой другой момент времени. То же самое касается ответа на вопрос: «Почему именно здесь?» А вот *что* послужило распаду толчком, как он вообще начался... Определенных ответов на эти вопросы у меня нет, по крайней мере сейчас. Первое объяснение, которое приходит на ум, таково: поскольку нынешнее энергетическое состояние пространства не самое низшее, оно нестабильно и, следовательно, может, по законам квантовой механики, спонтанно туннелировать в новый вакуум – когда угодно и где угодно.

– Что значит «туннелировать»? – не поняла Соира.

– Это значит: без видимой причины начать происходить. Вдруг. Само. Как и все прочее в квантовом мире, распад вакуума подвержен базовому принципу неопределенности, как бы фундаментальному хаосу, который функционирует по совершенно случайным законам. Он и мог дать тот самый толчок, который заставил нашу Вселенную покинуть плато ложного вакуума и продолжить катиться вниз – к вакууму истинному.

– Но все, похоже, началось гораздо раньше, – заметила Зоя.

– Да, – согласился Клим, – аномалию обнаружили пять лет назад, но распад начался задолго до этого. Процесс сперва шел на квантовом уровне, затем на микроскопическом, потом аномалия разрослась до макроскопических размеров и стала заметной для дальнего наблюдения. Теперь же она перешла на космический масштаб, а в конечном итоге станет космологическим явлением, которое поглотит всю нашу Вселенную и полностью изменит ее.

– Так, и что теперь? – нахмурился Леванов. – В чем это будет выражаться?

– Именно в том, что мы сейчас наблюдаем. Пузырь истинного вакуума разрастается, изменяя свойства пространства и времени. Как – никто не знает. Для этого необходимо иссле-

довать вакуум, что и пытались сделать члены экспедиции «Альтаира», взяв образцы из аномалии. Новый вакуум будет, вероятно, означать нашу гибель и разрушение всего известного нам мира. Ведь измененные свойства пространства приведут совсем к другим физическим константам: там не будет протонов, нейтронов и прочих частиц, а те, которые появятся вместо них (если вообще появятся), будут взаимодействовать по совершенно иным законам. Могут измениться даже способы их взаимодействия: вместо ныне существующих четырех фундаментальных сил природы возникнут... э-э... пожалуй, не стоит углубляться в детали. Важно, что новая физика сделает нашу жизнь невозможной. Как мы недавно видели, даже легкое «прикосновение» чужеродного вакуума оказывает радикальный эффект и замораживает наше время.

– Странно, – задумчиво проговорила Зоя, – что при первом обнаружении аномалии никто не заметил, что она приближается к нам со скоростью света.

– Это зафиксировала экспедиция «Альтаира», – ответил ей Клим, – оказавшись в непосредственной близости от аномалии. Но с Земли и прочих научных станций, раскиданных по нашему сектору галактики, установить факт приближения, по-видимому, оказалось невозможно. И догадываюсь почему.

– Почему же?

– Потому что никакого приближения как бы не происходит. Пространство, или вакуум, просто меняет свои свойства, а смещается лишь граница новой Вселенной.

– То есть никакого приближающегося объекта не существует? – уточнил Леванов.

– По сути, нет. Просто в нашей Вселенной разрастается некая иная.

Повисла тяжелая, гнетущая тишина. Пилот и операторы не отрывались от управления капсулой; капитан то и дело прикрывала глаза, отслеживая ситуацию вокруг «Ориона»; полковник хмурился и тер лоб.

Клим ощущал пустоту внутри. Когда он обрисовал собеседникам положение, сделал прогнозы и высказал гипотезы, в душе все оборвалось; не осталось ни чувств, ни желаний, ни стремлений. Все заполонило осознание неизбежной катастрофы – настолько глобальной, насколько возможно. Да, Земле и вообще Млечному Пути в ближайшее время ничего не угрожает, но никто не может предсказать, как пузырь нового вакуума поведет себя дальше и какие пока неизвестные законы им управляют. Нельзя исключать ситуацию, при которой расширение новой Вселенной получит ускорение и начнет протекать со скоростью гораздо большей, чем сейчас.

Капсула мчалась на полном ходу, а за ее кормой стремительно разрастался сиреневый шар, сияющий зловецким огнем, – иная Вселенная, зарождающаяся в нашей, растущая и пожирающая ее изнутри, будто личинка осы-наездника в теле гусеницы. Шар становился все больше и теперь достиг визуального размера Дорадо в небе Ксифии.

– Есть ли хоть малейший шанс, – заговорила после некоторого молчания Соира, – что новые свойства пространства не приведут к нашей гибели? Можно ли выжить?

Клим устало пожал плечами.

– Чисто теоретически – да, шанс есть: если все новые константы совершенно случайно сложатся именно так, как необходимо, чтобы наша биология могла функционировать. Но, как вы понимаете, вероятность такого события исчезающе мала. В старину в таких случаях говорили: это как если высыпать из мешка миллионы типографских букв и ожидать, что они при падении сами собой сложатся в текст романа «Война и мир».

– Короче, не исключено, но случится вряд ли, – резюмировала Зоя.

– Да, – вздохнул он, – не стоит на это рассчитывать.

В командном отсеке вновь повисло молчание. Все растерянно переглядывались, потрясенные словами физика.

Клим подключился к ВИС – капсула летела сквозь космос, держа курс на систему Дорадо. Пузырь истинного вакуума продолжал медленно расширяться и приближался к «Ориону» с неотвратимостью лавины, несущейся по склону горы.

– Сколько еще концентраторам заряжаться? – с хрипотцой в голосе спросил Клим.

– Минут семь-восемь, – откликнулась Гадот, и в ее голосе прозвучало отчаяние, – готовность семьдесят два процента. Концентраторы запустятся автоматически при первой возможности... если успеют.

– Можно ли процесс как-то остановить или обратить вспять? – поинтересовался Леванов. Клим махнул рукой.

– Да что вы! Силы, управляющие расширением аномалии, находятся далеко за пределами возможностей нашей науки, да и техники тоже. Хотя...

Он запнулся, призадумался над неожиданной идеей, но дрожащий голос капитана вернул его к действительности.

– Аномалия совсем рядом!

Клим вошел в ВИС, огляделся – и обмер. Пузырь вырос до таких размеров, что потерял очертания сферы и стал просто огромной, чуть выгнутой стеной. И она стремительно нагоняла «Орион».

– Твою ж мать, – прошипела Соира, которая тоже наблюдала пугающую картину.

– Надо прыгать уже сейчас! – воскликнул Клим.

– Невозможно! – вскричала в ответ Зоя, ее большие черные глаза заблестели, – Готовность восемьдесят девять процентов!

Пылающая сиреневая стена, теперь прямая, уходящая по всем направлениям в бесконечность, глотала звезды и планеты, туманности и галактики, и с каждым мигмом приближалась к капсуле. Гадот приказала активировать термоядерные двигатели, несмотря на то что их использование одновременно с аннигиляционными могло привести к мелтдауну всей системы. Но в нынешней ситуации риск был оправданным.

«Орион» стал увеличивать скорость, подбираясь к отметке в 90% световой, и приближение аномалии замедлялось. Но не прекращалось. Капсула мчалась сквозь пространство, однако фиолетовая стена упрямо догоняла беглецов.

Клим обливался потом. Сжав кулаки, он отслеживал показания ВИС; та настойчиво предупреждала о скором обрушении двигательных установок, которые едва выдерживали напряжение двух одновременно работающих систем. Прошла еще минута, датчики показали готовность концентраторов на 96%.

– Сейчас прыгнем, – прохрипела Зоя. Ее бледная кожа пошла багровыми пятнами, крылья носа нервно подрагивали. – Еще чуть-чуть...

Когда Клим принимал изображение из кормовой камеры, его взору представало лишь ослепительное сиреневое сияние – больше не было видно ничего. Передняя же камера демонстрировала обычный космос и спиральный диск Млечного Пути – вроде бы близкого (чуть ли не рукой подать!), но совершенно недосягаемого.

– Девяносто семь процентов... – сдавленным голосом сообщила капитан.

– Ну же, ну! – рокотал Леванов.

Клим с ужасом обнаружил, что пузырь истинного вакуума подполз к корме капсулы почти вплотную.

ВИС объявила общую тревогу в связи с возросшим риском мелтдауна. Стены капсулы загудели, пол завибрировал так, что желудок тотчас отозвался тошнотой. Электроснабжение отказало, и на мгновение стало темно, затем вспыхнуло красное аварийное освещение. Зазвучала сирена, ВИС рекомендовала всем членам экипажа, кроме пилота, и пассажирам немедленно изолироваться на нижнем ярусе в отсеке безопасности – его защищал кожух из сверхкрепких сплавов, который мог выдержать нагрев до миллиона градусов, а также предохранял

от потоков гамма-лучей высокой интенсивности. Но никто из людей не пошевелился, все наблюдали за датчиком готовности концентраторов, который дополз до 98%.

– Сейчас... сейчас... – шептал Клим.

Стена поделила всю видимую Вселенную надвое: одна ее половина горела сиреневым, а другая безмятежно мерцала звездами и галактиками, словно не происходило никакой катастрофы и не близилась их гибель. Казалось, космос не замечает ничего вокруг и пребывает в наивной уверенности, что все нормально, – как было последние тринадцать с половиной миллиардов лет его истории.

ВИС показала заветные 99% готовности концентраторов, и Клим задышал глубоко, будто собирался нырнуть под воду. В голове билась единственная мысль: еще несколько секунд, буквально несколько секунд, и все – прыжок!

Пузырь приблизился вплотную, коснулся капсулы, и в этот миг аварийное освещение погасло, вибрация прекратилась. Стало тихо и темно. Клим вдруг почувствовал, что засыпает. Глаза слипались, веки сами собой закрывались. Он хотел было обратиться к Зое и спросить, состоялся ли прыжок, но на это не хватило сил. Забвение утянуло его в болото безмолвия и абсолютного спокойствия.

Глава третья. ИСТИННЫЙ ВАКУУМ

1

Пробуждение было медленным, тягучим, как смола, липким, как мед, – и приятным, как первый глоток свежей воды после нескольких часов под знойным солнцем. Сознание неспешно выкарабкивалось из бездонных глубин коматозного сна и с каждым мгновением все четче начинало воспринимать окружающий мир.

Клим разлепил веки, приподнял голову. Люминесцентные потолок и стены плыли в стороны, но при этом освещали командный отсек мягким, успокаивающим светом. Висела полная тишина. Индикаторы состояния капсулы демонстрировали исправность всех систем. Работала даже ВИС.

Клим сел и огляделся вокруг. Леванов и Зоя лежали на полу, раскинув руки и ноги. Остальные члены экипажа находились в ячейках, глаза их были закрыты. Казалось, они без сознания или спят. Чуть в стороне сидела, прислонившись к стене, Соира и терла пальцами виски.

– Что произошло? – пролепетал Клим.

Девушка ответила не сразу. Помолчав несколько секунд, она подняла взгляд и прохрипела:

– Посмотри в ВИС...

Клим некоторое время соображал, пытаясь унять головокружение, а когда ему это удалось, подключился к информационной сети.

Его внутреннему взору предстала удивительная картина. Камеры внешнего наблюдения показали окружающий капсулу космос – совершенно пустой. Пространство не было абсолютно черным, оно слегка отдавало темно-багровым, видимо, как результат высокой температуры фонового излучения, которое его заполняло. Клим огляделся по сторонам, везде наблюдая одну и ту же картину. Единственным, что нарушало космическое однообразие, была яркая звезда, одиноко сияющая на расстоянии нескольких светодней. Сенсоры немедленно определили, что это желтый карлик, светимостью и массой почти не отличающийся от Солнца.

– Есть идеи? – прозвучал в тишине хрипловатый голос кибера.

Клим отключился от ВИС и встретил взгляд больших синих глаз прямо над собой. Он вяло помотал головой и тоже поднялся на ноги.

На звук голосов среагировали Леванов и Гадот. Оба зашевелились, полковник что-то промышчал, затем они открыли глаза. Вид их выражал непонимание и некоторую растерянность. Зоя взяла себя в руки первой. Лицо ее посуровело, на скулах заиграли желваки. Она одним ловким скачком оказалась на ногах и осмотрелась вокруг. Полковник неторопливо поднялся и потер ладонями лицо.

– Что произошло? – пробормотал он, не обращаясь ни к кому конкретно.

Экипаж медленно пробуждался. Пилот и операторы вставали из своих ячеек и ошарашенно оглядывались по сторонам. Зоя прищурилась, подключаясь к управляющим системам капсулы, и тут же ахнула. Видимо, обнаружила вокруг «Ориона» пустой космос – без россыпей звезд и планет, без астероидов и газовых туманностей.

– Любопытно, – проговорила она через несколько минут. Полковник и члены экипажа к этому времени ознакомились с обстановкой и выглядели обескураженными.

– Значит, мы все-таки не погибли, – констатировала Соира и обратилась к физику: – Мы ведь уже внутри?

– Похоже на то, – неуверенно ответил Клим. Новая реальность никак не могла найти себе место в его разуме. Укладывалась, усаживалась, упихивалась, расталкивая в стороны привычные представления о космосе и законах физики. Пытаясь упорядочить ход мыслей, Клим признал: – Но я понятия не имею, с чем мы в таком случае столкнулись.

Соира обреченно вздохнула, но ничего не сказала. Леванов принялся вышагивать по командному отсеку, сцепив ладони за спиной. Клим вновь подключился к ВИС и осмотрелся, на этот раз внимательнее. Он установил, что окружающее «Орион» пространство не совсем пусто: датчики зафиксировали наличие элементарных частиц материи, но в крайне разреженном состоянии. Что касается макрообъектов, то они в самом деле отсутствовали. Телескопы капсулы окинули электронным взором космос, но не обнаружили ничего крупнее отдельных атомов – так, во всяком случае, выглядела ситуация в радиусе примерно одного светового года. Заглянуть дальше телескопы оказались не в состоянии: объем доступного для обозрения космоса ограничивался областью свернутого пространства, которое разворачивало сигнал в обратном направлении. «Орион» находился в громадном космическом пузыре, полностью свободном от крупных объектов. Исключение составляли желтый карлик и обращающиеся вокруг него планеты: одна твердотельная размером чуть больше Земли и два газовых гиганта, оба значительно крупнее Юпитера. Они обладали свитой из десятков больших и малых спутников. Каменная же планета спутников не имела.

– Ничего не понимаю, – проговорил Клим, отсоединившись от ВИС. Сердце сжали клешни тревоги. – Бред! Как такое возможно?..

Полковник хмуро покивал, а капитан сказала, обращаясь к Леванову:

– У нас имеется единственный ориентир – звезда, и «Орион» относительно нее неподвижен. Двигатели выключены. Предлагаю после тестирования всех систем направиться к ней. Возможно, там мы выясним, что происходит и что нам делать дальше.

– Такое решение напрашивается само собой, – поддержал ее Клим.

После секундного раздумья Леванов сказал:

– Действуйте, капитан!

Зоя смежила веки и занялась капсулой. Операторы и пилот окончательно пришли в себя и вернулись в свои ячейки, желая убедиться в исправности боевых комплексов и систем управления. Клим посматривал за Зоей; ужасно хотелось подойти, заговорить, увидеть улыбку в ее глазах, однако он понимал, что сейчас не самый подходящий момент для романтических проявлений. Решив не обременять экипаж своим присутствием, он покинул командный отсек и направился в комнату отдыха.

Войдя в помещение, Клим первым делом прошел к синтезатору, чтобы выпить крепкого кофе, – он надеялся растворить в нем остатки нездоровой сонливости. Получив чашку с парующим напитком, Клим прислонился к стене и принялся размышлять. Но думать о чем-то серьезном не получалось, мысли магнитом тянуло к минувшей ночи; с воспоминаниями по телу разливалось тепло, а тревога улетучивалась и скоро исчезла, будто ее и не было вовсе.

От сладостных грез отвлек толчок в плечо.

– Интересно, почему мы еще живы? – спросила Соира негромко, словно желала поделиться секретом. Или чтобы секретом поделились с ней. – Инородный вакуум все-таки...

Клим пожал плечами и отхлебнул кофе.

– Ни малейшего понятия, – сказал он, – теперь я не уверен, что вакуум и правда иной. Похоже, что вполне обычный, но ограниченный мембраной из свернутого пространства. В любом случае необходимо исследовать его свойства, прежде чем я смогу сказать что-то определенное. Займусь, как только капитан даст добро.

Соира, по всей видимости, удовлетворилась таким ответом; шагнула к синтезатору, заказала себе что-то вкусное с ароматом земных специй и удалилась к одному из диванов. Клим прошел в противоположный конец зала и уселся спиной к психологу. Сейчас хотелось побыть

одному. Но долго наслаждаться одиночеством не пришлось, через несколько минут прозвучал вызов по нейросвязи. Клим едва удержался от того, чтобы не подскочить от радости.

– Я ничего не забыла, – проворковал знакомый голос, – ты же так подумал, да?

– Я не... что ты... – пролепетал Клим.

– Подумал, подумал. – Зоя, оказывается, умела улыбаться и голосом. – Не сердись, встретимся при первой возможности, обещаю. Но сейчас ситуация нештатная, сам видишь.

– Зоя...

– Все, не могу говорить. – Голос ее посуровел, зазвучал железом: – Тестирование завершено, капсула в норме, начинаем движение к звезде.

Не дожидаясь ответа, капитан отключилась. Клим вздохнул и потер глаза, затем встал с дивана и походил взад-вперед, после чего вернулся на свое место. На губах застыла легкая улыбка.

2

«Орион» сделал разворот и взял курс на желтый карлик, одиноко сияющий в багровом мареве космоса. Считывая данные ВИС, Клим делал вывод, что обстановка вокруг капсулы не представляет никакой угрозы. Двигатели и прочие системы работали в штатном режиме, «Орион» уверенно набирал скорость и вскоре вышел на максимальные 80% от световой. Границы внешних орбит планет-гигантов предполагалось достичь в течение примерно восьмидесяти пяти часов.

Клим вернулся в свою каюту и принял душ. Тревога, на миг возникнув, вновь испарилась, внутри вдруг стало легко и спокойно, хотя некоторая озабоченность все еще омрачала настроение. Полулежа в кресле, он подключился к ТЛМ-системе и запустил программу «Загорать на берегу Индийского океана». Насладившись эмоциями от жары, плеска волн и соленого бриза, он решил испытать контраст и съехал на лыжах по спящему белизной альпийскому склону. Когда «машина счастья» отключилась, Клим улегся в постель, желая выспаться. Сонливость не отпускала, и Климу было все равно, какое время дня на капсуле показывали часы.

Пробудился он восемь с лишним часов спустя и теперь чувствовал себя гораздо лучше. То ли сказала лимбическая манипуляция, то ли долгий сон, то ли он просто подсознательно смирился с ситуацией: зачем нервничать, если все равно ничего не можешь изменить, как ни старайся. Вдруг накатил волна радостного возбуждения и заняла место, в котором еще недавно безраздельно господствовала тревога. Произошло это так неожиданно, что Клим даже удивился: с чего бы? Причин для радости он не находил.

Бодро выскочив из постели, он направился в душ. А когда вернулся, обнаружил в каюте гостью. Закинув ногу на ногу, женщина сидела на кровати и выжидательно смотрела на Клима. Ее глаза лучились радостью и желанием.

– Зоя, но как ты?..

– Прости, бесстыдно воспользовалась капитанским доступом, – объяснила она и улыбнулась. – Просто соскучилась, а тут минутка спокойная выдалась, вот я и...

– Правильно сделала, что пришла, – одобрил Клим с улыбкой и, обернувшись полотенцем, двинулся к ней.

Он сел рядом и обнял ее, она прижалась крепко, всем телом.

– Знаешь, мне так хорошо, – прошептала она ему на ухо, будто за ними кто-то шпионил. – Накатило так вдруг, даже не знаю...

– Мне всегда хорошо, когда ты рядом, – ответил ей Клим, приятно удивляясь тому, что он с ней, как говорится, поет в унисон: даже необъяснимые приступы радости у них происходят одновременно. Такая связь обещает развиваться в глубокие отношения, решил Клим, но продолжить мысль не успел: его захлестнула неодолимая волна возбуждения – настолько сильная, что он, позабыв все на свете, впился своими губами в ее и принялся одновременно тянуть молнию на капитанской форме.

Вдруг Зоя вздрогнула и замерла, а миг спустя отпрянула от мужчины. По лицу ее пробежала тень, она прищурила взгляд и подключилась к системам капсулы.

– Что случилось? – насторожился Клим, отпуская подругу.

Зоя ответила не сразу. Глаза превратились в щелочки, тонкие губы зашевелились в беззвучном шепоте. Клим торопливо оделся и присел рядом с капитаном, но та раскрыла глаза и поднялась с кровати.

– Я должна вернуться в командный отсек, – сообщила Зоя. – На расстоянии примерно миллиарда километров обнаружены неопознанные объекты, явно искусственного происхождения. И они движутся нам навстречу, правда со значительно меньшей скоростью, чем мы.

– Объекты?!

Капитан ничего не ответила, развернулась и направилась к двери.

Клим нагнал Зою в коридоре, пошел с ней вровень.

– Что о них известно? – спросил он.

Зоя неслась широким торопливым шагом, ее черная грива летела следом, горбатый нос, казалось, сгорбился еще больше.

– Пока немного, – ответила она, бросив быстрый взгляд на ученого. – Лишь то, что они возникли прямо по курсу в количестве пяти единиц совершенно внезапно, очевидно вынырнув из гиперпространства. На запросы не отвечают, идентификации не поддаются. Их засекли гравилокаторы и установили их сферическую форму. Вот, собственно, и все.

Ошеломленный новостью, Клим впал в задумчивость. До командного отсека добрались молча.

Весь экипаж был в сборе и находился в своих ячейках; полковник нервно вышагивал по помещению, сцепив руки за спиной; Соиры Клим не обнаружил.

– Капитан, что вы собираетесь предпринять? – потребовал Леванов, как только Зоя и Клим переступили порог командного отсека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.